

И. Нильский

Еще несколько слов о спорных
вопросах из первоначальной
истории беспоповщины

Опубликовано:

Христианское чтение. 1877. № 1-2. С. 216-264.

Еще нѣсколько словъ о спорныхъ вопросахъ изъ первоначальной исторіи безпоповщины.

Въ напечатанной въ послѣдней книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ за прошлый годъ статья: „Спорные вопросы изъ первоначальной исторіи безпоповщины“ Н. И. Барсовъ предполагаетъ, будто бы я былъ изумленъ тѣмъ, что мой уважаемый сослуживецъ позволилъ себѣ имѣть о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ первоначальной исторіи безпоповщины свои понятія, несогласныя съ моими воззрѣніями. Меня изумило не это, а то, что авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“ въ своей замѣткѣ („Церк. Вѣстн.“ № 20) высказалъ много такихъ вещей, которыя я не могъ не назвать „странными“. Такъ напр., увѣряя, будто бы инокъ Корнилій не проповѣдывалъ обязательнаго безбрачія, онъ въ подтвержденіе своихъ словъ указывалъ на житіе Корнилія, напечатанное „въ вольномъ переложеніи“ г. Максимовымъ—въ его „Разсказахъ изъ исторіи старообрядства“, рекомендуя мнѣ „изслѣдовать“ это житіе. Я его „изслѣдовалъ“ въ первый же годъ появленія его на свѣтъ и читалъ въ немъ между прочимъ слѣдующее: „Корнилій въ послѣдніе годы своей жизни училъ окрестныхъ поселянъ и уговаривалъ иночествовать, дѣвственное и цѣломудренное, безженное и постническое житіе проходить“; да и самъ авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“, на основаніи того же житія, говорилъ въ 1866 году, что Корнилій приходившихъ къ нему уговаривалъ иночествовать, дѣвственное и безженное житіе проходить, и желающихъ самъ постригалъ, и что тоже внушалъ онъ и насельникамъ выговской пустыни. Далѣе: г. Барсовъ въ своей замѣт-

къ между прочимъ говорилъ, что я въ своемъ сочиненіи „обошелъ“⁴⁾ рассказъ о распутствѣ выговцевъ Теофилакта Лопатинскаго — въ его „Обличеніи неправды раскольнической“, не придавъ значенія показаніямъ раскольника Круглаго, недовѣрчиво отнесся къ результатамъ, добытымъ комиссіей Самарина; между тѣмъ какъ въ „Обличеніи“ Лопатинскаго нѣтъ ни слова о распутствѣ выговцевъ, показанія Круглаго, относящіяся къ жизни выговцевъ, приведены мною буквально, а на результаты, добытые комиссіей Самарина, я указывалъ, какъ на свидѣтельство появившагося въ это время въ выговскихъ дѣсахъ особенно сильнаго разврата. Еще: г. Барсовъ совѣтовалъ мнѣ сличить по началамъ исторической критики рассказы „Исторіи выговской пустыни“ съ житіемъ инока Корнилія по экземпляру нашей академической библіотеки, а это послѣднее — съ біографическими сочиненіями Семена Денисова и потомъ съ житіемъ Корнилія — по экземпляру императорской публичной библіотеки, — сличить для того, чтобы я могъ видѣть, что все начало „Исторіи выговской пустыни“ заимствовано Филиповымъ изъ надгробнаго слова Петру Прокопьеву — Андрея Денисова, а дальнѣйшіе рассказы — изъ житія Корнилія позднѣйшей редакціи, и что это житіе написано Семеномъ Денисовымъ; а между тѣмъ все это давно уже извѣстно каждому, кто читалъ „Описаніе раскольническихъ сочиненій“ А. Б.; а что читалъ этотъ трудъ г. Б. и я, въ этомъ г. Барсовъ могъ бы убѣдиться если не изъ моей „біографической замѣтки“ объ этомъ сочиненіи, напечатанной въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1861 годъ (ч. I, стр. 463—514), которую г. Барсовъ могъ и не читать, какъ не читалъ онъ и моей замѣтки о „Рассказахъ изъ исторіи старообрядства“ г. Максимова¹⁾, такъ по крайней мѣрѣ изъ цитатъ моей книги (Сем. жизн. I, стр.

¹⁾ Г. Барсовъ говоритъ, что «просмотрѣвъ ее теперь, онъ находитъ, что ее и не зачѣмъ было читать», такъ какъ «для рѣшенія спорнаго вопроса она рѣшительно ничего не даетъ» (стр. 710—711). Я указывалъ г. Барсову на свою замѣтку о «рассказахъ» г. Максимова не для того, чтобы при помощи ея онъ могъ рѣшить вопросъ: проповѣдывалъ ли Корнилій обязательное безбрачіе, а для того, чтобы показать, что житіе Корнилія, которое онъ рекомендовалъ мнѣ «ислѣдовать», давно извѣстно мнѣ.

7—10, 16 и др.). Вотъ эти-то и подобные имъ „промахи“ г. Барсова я и разумѣлъ подѣ „странными рѣчами, какихъ не ожидалъ отъ автора „Братьевъ Денисовыхъ“.

Существенное разногласіе между мною и г. Барсовымъ состоитъ, по его словамъ, въ вопросѣ о томъ, „насколько цѣломудренна и нравственна была жизнь обитателей выговскихихъ пустынь и лѣсовъ отъ перваго появленія здѣсь раскола до настоятельства въ выговскомъ монастырѣ Ивана Филипова *включительно*“. Опредѣляя это разногласіе, г. Барсовъ говоритъ: „г. Нильскій утверждаетъ, что выговцы постоянно хранили *по возможности* цѣломудріе; я думаю и утверждаю, что они постоянно *по возможности* вели жизнь распутную и блудную. На чьей сторонѣ правда“? (стр. 604).

Прежде, чѣмъ рѣшать этотъ вопросъ, считаю необходимымъ замѣтить, что въ своей книгѣ (стр. 24—31) я описывалъ жизнь выговцевъ не со времени появленія въ Поморѣ раскола, а со времени прекращенія въ расколѣ „православнаго священства“ и появленія въ немъ безпоповщины съ ученіемъ объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ, т. е. съ конца XVII столѣтія (см. стр. 13 и 15), или точнѣе: со времени основанія выговскаго монастыря. Значитъ, причина, по которой (стр. 700—1) я не упомянулъ въ своемъ сочиненіи о разсказѣ митрополита сибирскаго Игнатія о нѣкоемъ пустынникѣ, жившемъ близъ Каргополя и учившемъ собравшихся вкругъ него мужей, женъ и дѣвицъ жить блудно, разрѣшается просто; и въ томъ случаѣ, еслибы признать разсказъ этотъ достовѣрнымъ (чего, какъ мы увидимъ послѣ, нельзя сдѣлать),—я имѣлъ право опустить его потому, что упоминаемый въ немъ пустынникъ сжегся въ Палеостровскомъ монастырѣ въ 1687 году, т. е. раньше, чѣмъ было узаконено въ безпоповщинѣ ученіе о безбрачій и дѣвствѣ; а въ это время, и по моимъ словамъ, многіе раскольники грѣшили противъ цѣломудрія, вслѣдствіе неустановившагося между ними взгляда на брачную жизнь (Сож. жизн. I, стр. 31). Далѣе: хотя г. Барсовъ, передавая мой взглядъ на жизнь выговцевъ, выраженіе: „постоянно хранили по возможности цѣломудріе“ обставилъ общепринятыми для

обозначенія чужихъ словъ знаками, тѣмъ не менѣе читатель поступилъ бы несправедливо, еслибы подумалъ, что я способенъ на такія, болѣе чѣмъ странныя, выраженія; эта фраза, заключающая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, принадлежитъ не мнѣ, а г. Барсову, который въ замѣткѣ своей, помѣщенной въ 20 № „Церковнаго Вѣстника“, передавая тоже выраженіе мое, опустилъ изъ него слово: „по возможности“, а теперь прибавилъ къ нему слово: „постоянно“.

Иной читатель можетъ, пожалуй, при этомъ замѣтить, что я обращаю вниманіе на мелочи, на слова, тогда какъ споръ идетъ о болѣе важномъ вопросѣ, — о нравственности цѣлой раскольничьей общины. Но что же мнѣ дѣлать, если мой почтенный противникъ на этихъ мелочахъ (т. е. словахъ) строитъ свои обвиненія противъ меня, разсуждая напр. по поводу употребленнаго мною слова: „по возможности“ слѣдующимъ образомъ:

«Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію аргументовъ pro и contra, мнѣ кажется необходимо установить точный смыслъ слова *«по возможности»*, на которое съ особенною силою налегаетъ г. Нильскій, которое употребляю также и я. Выговцы были, по словамъ г. Нильскаго, монахи, сознательно и добровольно дававшіе обѣтъ не только безбрачія, но и абсолютнаго цѣломудрія; для нихъ существовалъ законъ въ видѣ монастырскаго устава. А гдѣ существуетъ законъ, и притомъ законъ не внѣшнимъ образомъ навязанный, а органически выработанный самою общиной и добровольно принятый ея членами, какъ думаетъ г. Нильскій о монашествѣ выговцевъ, тамъ, мнѣ кажется, не должно быть и рѣчи о возможности или невозможности выполненія закона, какъ одномъ изъ условій, опредѣляющихъ мѣру нравственнаго достоинства исполнителей закона. Иначе можетъ быть оправдано всякое нарушеніе закона и—нѣтъ болѣе преступленій и проступковъ. По общему ученію о правоспособности, которое народная мудрость прекрасно резюмировала въ извѣстной пословицѣ: *«взявшись за гузъ, не говори, что не дюжъ»*,—всякій законъ, какъ положительный, такъ и нравственный, условнаго значенія имѣть не можетъ, и если мы допустимъ, что выговцы имѣли право соблюдать свои староотеческіе аскетическіе законы лишь по мѣрѣ какой-то возможности, то мы должны будемъ допустить для нихъ юридическое или по меньшей мѣрѣ нравственное право полнаго несоблюденія ими этихъ законовъ... Когда существуетъ

норма, обязательное правило, то условнымъ и случайнымъ, иначе—возможнымъ можетъ быть не осуществленіе этой нормы, а ея нарушеніе, и такимъ образомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть вопросъ о возможности разврата у выговцевъ, а не о возможности для нихъ цѣломудрія» (стр. 694—5).

Я не могу понять истиннаго смысла и цѣли приведенныхъ мною разсужденій г. Барсова о „правоспособности“. Если же вышеизложеннымъ „ученіемъ о правоспособности“ почтенный противникъ мой хотѣлъ сказать то, что къ выговцамъ, какъ монахамъ, сознательно и добровольно дававшимъ обѣтъ безбрачія и цѣломудрія, вслѣдствіе монастырскаго устава, не вѣшнымъ образомъ навязаннаго, а органически выработаннаго самою общиной и добровольно принятаго ея членами, не приложимо употребленное мною слово: „по возможности“, такъ какъ они, въ силу своего добровольнаго обѣта, обязаны были хранить цѣломудріе безусловно; въ такомъ случаѣ я не понимаю, какимъ образомъ г. Барсовъ считаетъ себя нынѣ въ правѣ утверждать, что выговцы „постоянно по возможности вели жизнь распутную и блудную“, что „масса выговскаго населенія жила *всегда* такъ, какъ обыкновенно живутъ люди, никогда не дававшіе обѣтовъ цѣломудрія“, что „фактъ *всеобщаго* распутства насельниковъ выговскихъ лѣсовъ и пустынь“ — неопровержимъ, что тогда какъ одни изъ распутствовавшихъ выговцевъ, считая блудъ грѣхомъ и постоянно согрѣшая, постоянно калялись, другіе „и каются не считали нужнымъ“ (стр. 695—6), — когда вышеуказанный взглядъ на выговцевъ, какъ монаховъ, добровольно дававшихъ обѣтъ безбрачія, принадлежитъ не мнѣ, а самому автору „Братьевъ Денисовыхъ“. Иной читатель, пожалуй, не повѣритъ такому неожиданному открытію? Въ такомъ случаѣ прошу его прочитатъ между прочимъ слѣдующія слова изъ изслѣдованія г. Барсова: „Братья Андрей и Семень Денисовы“:

«Монастырь» нужно было устроить Андрею по многимъ побужденіямъ. Во первыхъ, большая часть приходившихъ къ нему «съ великою вѣрою» приходили именно ради иноческаго благочестнаго житія. Исторія воспитала въ русскомъ человѣкѣ особенное уваженіе и склонность къ мо-

нашескому житію; выше мы имѣли случай замѣтить, до какой степени, вследствие многихъ мѣстныхъ историческихъ причинъ, распространено было это уваженіе къ иночеству и стремленіе постригаться въ поморскомъ краѣ. Это стремленіе нашло себѣ полный исходъ въ расколѣ, гдѣ для того, чтобы сдѣлаться «инокомъ», не нужно было ни проходить искуса, ни ожидать разрѣшенія духовной власти,—тамъ постригали охотно всякаго, приходившаго съ великою вѣрой; многіе даже сами постригали себя. Преслѣдованія усилили мистическое чувство въ раскольникахъ: ожидая близкаго конца міра, они пришли къ убѣжденію, что жить семейною жизнію грѣшно, грѣшно думать объ удобствахъ и радостяхъ жизни, когда настоитъ день Христовъ, и когда нужно ежеминутно быть готовымъ предстать на судъ Божій. Такимъ образомъ, устроая монастырь, Андрей въ этомъ случаѣ волей-неволей удовлетворялъ лишь общему требованію; онъ долженъ былъ непременно это сдѣлать, если хотѣлъ стоять во главѣ общины и не хотѣлъ лишиться своего выгоднаго положенія» (стр. 72—3).

Кажется, ясно, что такое — выговцы, по мнѣнію г. Барсова; это — „монахи“, какъ часто и называетъ ихъ (стр. 72, 85 и др.) мой почтенный противникъ, дававшіе обѣтъ безбрачія добровольно, по убѣжденію, и сами выработавшіе себѣ законъ въ видѣ монастырскаго устава; а если такъ, то какимъ же образомъ этимъ „монахамъ“ ничего, по словамъ г. Барсова, не оставалось дѣлать, при отсутствіи у нихъ брачнаго института, какъ грѣшить и каяться, каяться и грѣшить“ (стр. 696), и какъ послѣ этого понимать увѣреніе г. Барсова въ томъ, что будто бы „рѣшительно нѣтъ протяворѣчія между тѣмъ, что онъ писалъ когда-то, и тѣмъ, что говоритъ теперь“ (стр. 710)?

Но тогда какъ выраженіе г. Барсова: „выговцы постоянно по возможности вели жизнь распутную и блудную“ никоимъ образомъ непримиримо съ вышеизложеннымъ взглядомъ его на нихъ, моя мысль, что поморцы „не на словахъ только, но и на дѣлѣ хранили по возможности цѣломудріе“, вполне согласна съ тѣмъ взглядомъ моимъ на причины появленія въ безпоповщинѣ ученія о безбрачіи, который высказанъ мною въ концѣ первой главы моей книги—въ слѣдующихъ словахъ:

«Прегращеніе въ расколѣ священниковъ стараго до-никоновскаго поставленія, а съ ними—и таинствъ, было первой и главной причиною явленія въ немъ ученія о безбрачіи. Вслѣдствіе развившейся въ расколѣ мысли о скорой кончинѣ міра, это *вынужденное* и утвержденное на догматическомъ основаніи ученіе скоро получило въ глазахъ заблуждающихъ значеніе потребности благочестиваго чувства,—потребности, которую ощущалъ въ себѣ всякій, кто дорожилъ спасеніемъ. Бѣдственное состояніе раскольниковъ, начавшееся вслѣдъ за изданіемъ въ 1684 году строгаго указа противъ ревнителѣй старины, было причиною того, что даже и тѣ изъ раскольниковъ, которые прежде вступили въ бракъ, теперь находили неудобнымъ продолжать супружескія отношенія. Расколоучители—монахи довершили остальное. По пристрастію ли къ началамъ собственной жизни, или по непониманію истиннаго значенія въ дѣлѣ спасенія жизни брачной, только они постарались и сдумали свой односторонній взглядъ на семью и дѣвство передать и своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, очевидно, безбрачіе установилось въ расколѣ не въ порицаніе брака, а какъ дѣло *печальной необходимости*, вызванное тѣми обстоятельствами, въ которыхъ находился расколъ къ концу XVII столѣтія» (Сем. жизн. I, стр. 78—9).

Если же безпоповцы и въ частности выговцы „необходимостію доведены были до ученія о всеобщемъ дѣвствѣ“ (Тамъ же, стр. 184), то храненіе ими цѣломудрія лишь „по возможности“—дѣло понятное даже съ точки зрѣнія „на ученіе о правоспособности“ моего уважаемаго сослуживца.

Такимъ образомъ всѣ разсужденія, какія ведетъ г. Барсовъ для уясненія точнаго смысла слова „по возможности“, не только не достигаютъ предположенной имъ цѣли, но и не согласны съ его собственнымъ взглядомъ на жизнь выговцевъ.

Что же касается того, что г. Барсовъ къ моему выраженію: „выговцы хранили по возможности цѣломудріе“ прибавилъ слово „постоянно“, то этимъ онъ, конечно, предполагалъ поставить меня предъ читателями въ противорѣчіе съ самимъ собою. Рѣчь идетъ о томъ, насколько цѣломудренна была жизнь обитателей выговскихъ лѣсовъ отъ перваго появленія здѣсь раскола до настоящаго въ выговскомъ монастырѣ Ивана Филипова *включи-*

чительно; слово „постоянно“, если бы я употребилъ его, очевидно, ставило бы меня въ противорѣчїе съ тѣми свидѣтельствами о появленїи разврата въ выговскомъ монастырѣ еще при Андреѣ Денисовѣ, которыя приведены мною въ моей книгѣ (стр. 102—3, 178—9). Но какъ же г. Барсовъ не примѣтилъ, что, рѣшая вопросъ о жизни выговцевъ до настоятельства Ивана Филипова *оключительно* и приписывая мнѣ при этомъ слово „постоянно“, онъ противорѣчитъ даже самому себѣ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи (стр. 698) г. Барсовъ прямо говоритъ, что первое обнаруженіе разврата между выговцами послѣдовало, по моему мнѣнїю, „въ послѣдніе годы управленїя монастыремъ Семена Денисова и къ началу настоятельства Ивана Филипова“. Очевидно, и произведенїя г. Барсова не чужды той „особенности“ (стр. 699), которую онъ замѣтилъ въ моей книгѣ—безъ всякаго, какъ ниже будетъ видно, основанїа.

Послѣ неудачной попытки доказать, будто бы я выразился неправильно, сказавши о выговцахъ, что они въ первую пору своей жизни хранили по возможности цѣломудріе, г. Барсовъ начинаетъ за тѣмъ доказывать, что выговцы „постоянно по возможности вели жизнь распутную и блудную“. Хотя на основанїи слова „по возможности“ въ общепринятомъ его смыслѣ можно подумать, что, и по мнѣнїю г. Барсова, выговцы не всегда и не всѣ предавались распутству, тѣмъ не менѣе тотъ ошибся бы, кто сталъ бы такъ смотрѣть на дѣло; въ другихъ мѣстахъ своей статьи противникъ мой прямо и рѣшительно говоритъ, что „масса выговскаго населенїа жила *всегда* такъ, какъ обыкновенно живутъ люди, никогда не давашіе обѣтовъ цѣломудрїа“, и именно: „отношенїа двухъ половъ выражались между выговцами въ формѣ беспорядочныхъ и случайныхъ встрѣчъ и сопряженїй, и въ самомъ лучшемъ случаѣ, въ формѣ постоянного, но съ точки зрѣнїа православно-церковной, тѣмъ не менѣе блуднаго сожительства двухъ субъектовъ различнаго пола“, и что хотя можно съ извѣстной точки зрѣнїа извинять безнравственность выговцевъ, но „отвергать самый фактъ *всеобщаго* распутства“ ихъ невозможно (стр. 695—6).

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Барсова, выговцы всѣ и всегда, т. е. какъ до основанія Денисовыми выговскаго монастыря, такъ и „со времени его основанія“, жили распутно. Чѣмъ же подтверждаетъ г. Барсовъ такой суровый взглядъ свой на жизнь насельниковъ выговскихъ пустынь и лѣсовъ? „Многочисленными и неопровержимыми данными“, отвѣчаетъ онъ. Посмотримъ, что это за данныя и — „свидѣтельствуютъ ли они несомнѣнно“ о всегдашнемъ и всеобщемъ распутствѣ выговцевъ.

Въ подтвержденіе своего взгляда на „крайне развратную“ жизнь выговцевъ до основанія выговскаго монастыря г. Барсовъ прежде всего указываетъ на донесенія олонецкихъ властей о выговцахъ; изъ этихъ донесеній „особенно важными“ онъ считаетъ Пудожское дѣло (Акт. Истор. т. V, № 223) и судное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря (Тамъ же № 151, также Олон. губернскаго вѣдом. 1849 г. №№ 1—14). Г. Барсовъ, пользовавшійся указанными данными при составленіи своего изслѣдованія о „Братьяхъ Денисовыхъ“ (стр. 76 примѣч.) и утверждавшій въ 1866 году, что въ то время, къ которому относятся эти данныя, „дѣвственное житіе было обязательно для всякаго поморца“ (стр. 81), что большая часть раскольниковъ, скитавшихся въ это время въ выговскихъ лѣсахъ, приходили въ пустыню „именно ради иноческаго благочестнаго житія“ и что наконецъ эти раскольники подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ „пришли къ убѣжденію“, что грѣшно не только думать объ удобствахъ и радостяхъ жизни, но даже жить семейною жизнію (стр. 72—3), и потому жили съ своими женами, какъ съ сестрами (стр. 96), — нынѣ тѣ же самыя данныя приводятъ въ подтвержденіе своей мысли о всеобщемъ и всегдашнемъ распутствѣ обитателей выговскихъ пустынь и лѣсовъ¹⁾! Мало того: ува-

1) Увѣреніе г. Барсова, будто бы замѣчаніе его о томъ, что дѣвственное житіе было обязательно для всякаго поморца, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что поморцы обязаны были жить дѣвственно, по уставамъ выговскаго монастыря (стр. 710), несправедливо; рѣчь его о дѣвственномъ житіи, обязательномъ для всякаго поморца, относится къ тому времени, когда еще только шли между помор-

жаемый мой сослуживецъ, рѣшившійся отвѣчать мнѣ „единственно въ интересахъ научной истины“, ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ „о крайне развратной жизни“ выговцевъ на такіе историческіе документы, въ которыхъ *нѣтъ ни одного слова* объ этомъ предметѣ. Это невѣроятно? Ссылаюсь на 151 и 223 №№ У. т. Истор. акт.

Правда, когда по челобитной (помѣщенной въ вышеуказанныхъ №№ „Олон. губерн. Вѣд.“ за 1849) игумена Палеостровскаго монастыря Кирилла—о безчинствахъ, какія производили въ Поморьѣ раскольники подъ предводительствомъ „пуцаго раскольника Емельки Иванова сына Второго“, сдѣланы были допросы, то одинъ изъ допрошенныхъ „Мишка поповъ сынъ“ показалъ, между прочимъ, что раскольники „жену его, Мишкину, подѣхавъ зимою, ночью взявъ со двора изъ бани, свезли за Онега налѣса, а по совѣту ли жены, или насильно, не вѣдаеть“. Но видѣть въ этомъ поступкѣ поморскихъ раскольниковъ „своего рода умываніе жезъ“—съ цѣлію предаваться съ ними разврату, какъ дѣлаеть это г. Барсовъ (стр. 700), значитъ забывать, что тѣже раскольники и „его Мишку хотѣли свезть въ расколъ“, что „Омелька Второго, выходя въ погосты“, не только женщинъ, но и мужчинъ „къ себѣ подговариваль, а иныхъ и неволею собираль“, что и Андрей Денисовъ „украль“ отъ дома отца своего сестру свою Соломонію и привезъ ее въ монастырь (Истор. выг. пуст. стр. 100), конечно не для разврата, что и Данила Викулинъ „сестру свою съ мужемъ и съ дѣтьми вывезъ съ устрецкаго завода“ въ тотъ же монастырь (тамъ же стр. 97), вѣроятно, не для распутства, т. е. значитъ простымъ фактамъ фанатизма раскольничьяго, заставлявшаго ревнителей „древняго благочестія“ „подговаривать къ себѣ“ родныхъ и чужихъ и даже „неволею собирать ихъ“ вокругъ себя, силою принуждая ихъ къ принятію раскола, давать такой смыслъ, который можетъ придти въ голову только тому, кто, поставивъ себѣ задачей—доказать во

скими раскольниками толки объ устройствѣ монастыря и когда они жили „житийскимъ житіемъ“ (Бр. Денис. стр. 81).

что бы то ни стало всеобщее и всегдашнее распутство насельниковъ выговскихъ пустынь и лѣсовъ, затрудняется въ пріисканіи необходимыхъ для этого данныхъ; по крайней мѣрѣ въ 1866 году, когда почтенный противникъ мой не преслѣдовалъ такой задачи, онъ видѣлъ въ похищеніи раскольниковъ жены „Мишки попова сына“ не больше, какъ „проявленіе крайняго религіознаго фанатизма“ ихъ, и замѣчалъ по этому поводу слѣдующее: „ихъ силою принуждали къ новой вѣрѣ,—они силою сопротивлялись и, когда имѣли возможность, силою же принуждали другихъ къ своей вѣрѣ“ (Брат. Денис. стр. 79).

Новое „несомнѣнное свидѣтельство о всеобщемъ распутствѣ насельниковъ выговскихъ пустынь и лѣсовъ“ г. Барсовъ находитъ въ третьемъ посланіи митрополита сибирскаго Игнатія, именно въ его разсказѣ о нѣкоемъ пустынникѣ, который, поселившись близъ Каргополя и собравши вокругъ себя множество мужей, женъ и дѣвицъ, „повелѣваше всѣмъ безъ всякаго зазора блудствовать тайно, уча и глаголя: яко сіе любовь есть, точію да не вѣнчается, ниже да благословляется въ супружество“ (Прав. Собес. 1855 г. кн. 2, стр. 116—17). Приведя этотъ разсказъ Игнатія, г. Барсовъ замѣчаетъ: „объ этомъ разсказѣ не упоминается въ книгѣ г. Нильскаго“ (стр. 701).

Правда; но причину этого „неупоминанія“ я уже объяснилъ выше и потому теперь считаю нужнымъ только показать, насколько достовѣренъ разсказъ митрополита Игнатія. По словамъ г. Барсова, разсказъ этотъ наравнѣ съ другими, указанными имъ, данными, изъ которыхъ одни уже рассмотрѣны мною, а другія будутъ рассмотрѣны послѣ, свидѣтельствуетъ о „крайне развратной“ жизни выговцевъ такъ рѣшительно, что даже „самъ Щаповъ не нашѣлся сказать что либо въ опроверженіе его и только сдѣлалъ попытку оправдать развратъ выговцевъ общимъ состояніемъ нравственности въ нашемъ простонародьѣ въ эпоху появленія раскола“ (стр. 697). Прежде всего: на тѣхъ страницахъ „Русскаго раскола старообрядства“ (177—184), которыя г. Барсовъ указываетъ въ подтверженіе

своихъ словъ, г. Щаповъ *даже и не упоминаетъ* о разсматриваемомъ нами свидѣтельствѣ митрополита Игнатія, равно какъ *ни слова не говоритъ* и о развратѣ *выповцевъ*, а ведетъ рѣчь о безповицинѣ вообще, — въ частности о стефановщинѣ, филиповщинѣ, акулиновщинѣ и о раскольникахъ новгородскихъ и сибирскихъ. Далѣе: судя по тому, что говоритъ г. Щаповъ о каргопольскомъ пустынноикѣ, упоминаемомъ митрополитомъ Игнатіемъ, на 274 страницѣ своей книги, можно думать, что онъ далекъ былъ отъ мысли считать рассказъ тобольскаго архипастыря достовѣрнымъ. Все, что сказано Игнатіемъ объ ученіи этого пустытника относительно тайнаго блуда и о распутствѣ собравшихся около него раскольниковъ, г. Щаповъ опустил и, вопреки сибирскому архипастырю, утверждаетъ, что этотъ пустынноикъ, какъ и другіе расколыничьи старцы-отшельники, привлекалъ къ себѣ народъ своимъ „наружнымъ благочестіемъ и мнимою ¹⁾ богоугодностію и спасительностію своею“. И, по моему, почтенный авторъ „Русскаго раскола старообрядства“ поступилъ въ этомъ случаѣ вполне справедливо. Рассказъ митрополита Игнатія о каргопольскомъ пустынноикѣ заключаетъ въ себѣ столько внутреннихъ противорѣчій, что при всемъ уваженіи къ автору „посланій“ трудно признать его достовѣрнымъ. Вотъ этотъ рассказъ: близъ Каргополя поселился пустынноикъ; многіе поселяне „послѣдоваша ему, яко мняху въ добродѣтеляхъ изрядному“; вмѣсто того, чтобы учить ихъ спасенію, пустынноикъ всѣмъ, приходившимъ къ нему, повелѣваетъ „блудствовать безъ всякаго зазора“; слухъ объ этомъ пустынноикѣ распространился далеко, но — такой, что одинъ изъ жителей Вологды, большой грѣшникъ, рѣшившійся вслѣдствіе угрызений совѣсти перемѣнить свою жизнь и давшій обѣтъ „во еже пожити въ чистотѣ“, отправляется въ пустыню — къ указанному пустынноику и умоляетъ его принять его въ число своихъ учениковъ; „молю тя, говорилъ пришедшій къ пустынноику, да оставиши мя на путь спасенія: и сего ради, слышавъ по Возѣ житіе

¹⁾ „Мнимою“ потому, что внѣ союза съ церковію не можетъ быть истинной богоугодности (Розыск, стр. 556—9).

твое, яко могущее души приводити къ Христу Богу, придохъ ко святыни твоей, во еже спастися“. Пустынникъ соглашается принять новопришедшаго и назначаетъ ему предварительный искусъ: ни пить, ни ѣсть „дни нѣвѣя“; когда новопришедшій согласился на постъ „своего ради душевнаго спасенія“, пустынникъ ввелъ его „во внутреннюю едину отъ келій своихъ хранинку, яже быше присовокуплена къ келліи его, идѣже самъ живаше“. Въ „хранинкѣ“, въ которой помѣстился новопришедшій, было „точію едино оконце, къ пути зрящее, зѣло мало, точію да свѣтъ будетъ въ хранинкѣ; входъ же изъ келліи своея (пустынникъ) затвердивъ крѣпцѣ, во еже всажденному никакоже мощно изыти“; проведя въ такомъ заключеніи два или три дня безъ пищи, новый аскетъ рѣшился „истерзать мохъ“ между бревнами той стѣны своей „храмники“, которая отдѣляла ее отъ келліи пустынника, и посмотрѣть, что дѣлаетъ учитель. Въ это время входятъ къ пустыннику два челоуѣка, „глаголюще: святой отче, дѣвицу ону беременную Богъ простилъ, родила младенца мужеска полу, что повелѣваеши о немъ творити“. Пустынникъ приказываетъ приходшимъ, „поднявъ перси, сирѣчь груди“ младенца, вынуть сердце и принести его на блюдѣ къ нему; „и по малѣ часцѣ принесоша на блюдѣ древяномъ оное новорожденнаго младенца сердце, еще трепещущее и живо сущее, и даша пустыннику“; послѣдній, „своима рукама разрѣзавъ сердце ножемъ на четыре части“, приказалъ принесшимъ изсушить его въ печи и истолочъ; когда и это было исполнено, пустынникъ раздѣлилъ „толченное сердце“ на части и, всыпавъ его въ бумажки, призвалъ нѣкоторыхъ послушниковъ своихъ и, отдавъ имъ бумажки „со святынею“, повелѣлъ имъ идти „въ грады и веси“ проповѣдывать всѣмъ, чтобы они не ходили въ церкви и крестились двумя перстами, и приэтомъ тайно бросать частицы даннаго имъ порошка „или въ брашна, или въ питіе, или въ сосудъ, идѣже у нихъ вода бываетъ въ дому, или въ кладязь“, увѣряя, что „егда отъ того вкусятъ“, тогда обратятся „на истину“, т. е. въ расколъ, и „сами будутъ самовольныя мученики“. Сидѣвшій „въ затворѣ“ новый ученикъ, видѣвшій и слышавшій все

происходившее у пустытника, пришелъ въ ужасъ и началъ молиться Богу „о избавленіи своемъ тремя персты“, хотя прежде по наученію пустытника молился двумя перстами; и „се помощь Божія абіе бысть готова ему въ помощь“ слѣдующимъ образомъ: на другой день „прилучися“ проходить „мимо келлій тѣхъ“ нѣкоторымъ православнымъ купцамъ; „пригласивъ ихъ тайно“, сидѣвшій въ затворѣ „вся исповѣда имъ, еже видѣ и еже слыша“, и сталъ „умолять“ купцовъ, чтобы они выдали его за своего раба, укравшаго у нихъ имѣніе, и „умолили онаго пустытника“ — отдать имъ виновнаго. Купцы согласились и „пришедше къ оному пустытнику“, стали „молить его преподобіе“, чтобы онъ отдалъ имъ раба ихъ, принятаго имъ въ пустыню и, какъ нынѣ они слышали, находящагося „въ постническомъ искусѣ“. Пустытникъ согласился исполнить просьбу купцовъ, но когда позвалъ изъ затвора мнимаго раба ихъ, послѣдній сталъ умолять учителя, чтобы онъ не отдавалъ его „въ рущѣ господей, понеже, рече, мнѣ не быти живу отъ нихъ“; во исполненіе апостольскаго повелѣнія, заповѣдующаго рабамъ повиноваться господамъ своимъ, пустытникъ отдалъ мнимаго раба-вора купцамъ, но съ просьбою, „да не сотворятъ ему зла никакого же, аще вся имѣнія ихъ возвратитъ“. По отшествіи купцовъ „возвѣщено бысть скверному оному пустытнику, яко вся быша вѣдома сокровенства его и яко вся возвѣсти онымъ купцемъ посаженный онъ въ затворецъ“; это заставило пустытника вмѣстѣ съ учениками сечь пустыню и бѣжать въ другое мѣсто; впоследствии этотъ пустытникъ и его ученики „сами вси себе погубиша сожженіемъ“ въ Палеостровскомъ монастырѣ, не желая измѣнить „своему скверному ученію“ и — принять православное.

Не знаю, кто какъ, но я вижу въ этомъ разказѣ митрополита Игнатія больше благочестивой ревности сибирскаго архипастыря по православію, чѣмъ исторической правды. Пустытникъ, собирающій вокругъ себя толпы народа, который шелъ къ нему единственно потому, что видѣлъ въ немъ мужа „изряднаго въ добродѣтеляхъ“, и въ тоже время проповѣдующій своимъ послѣдователямъ самый

необузданный развратъ, пустынный, умоляющій мнимыхъ господъ быть снисходительными въ виновному рабу ихъ и въ то же время собственноручно разрѣзывающій сердце рожденнаго отъ проповѣдуемаго имъ блуда невиннаго младенца, — народъ, бѣгущій въ пустыню для спасенія, которое полагаетъ въ неизмѣнномъ храненіи „древняго благочестія“ и которымъ дорожить до того, что изъ опасенія измѣнить этому благочестію рѣшается на добровольное самосожигательство, и въ то же время спокойно, безъ протеста предающійся, по слову своего учителя, разврату и даже отдающій прижитыхъ въ блудѣ дѣтей на варварское убійство, — что это такое? Кромѣ того, какимъ образомъ житель Вологды (который, по разсказу, первый сообщилъ обо всемъ этомъ свѣдѣнія), сидѣвшій въ запертой „крѣпцѣ храминѣ“, имѣвшей „зѣло малое оконце“, могъ „тайно пригласить къ себѣ“¹⁾ проходившихъ мимо пустыни купцовъ и изъ своей кельи, смежной съ кельей пустытника, вести съ ними длинную бесѣду о томъ, что видѣлъ и слышалъ, незамѣтно ни для пустытника, ни для тысячи его послушныхъ учениковъ? Отвѣчать на всѣ эти, а равно и другіе, невольно рождающіеся при чтеніи разсказа Игнатія, вопросы я предоставляю г. Барсову; съ своей стороны замѣчу одно: настаивать на признаніи вышеприведеннаго разсказа митрополита Игнатія достовѣрнымъ моему почтенному противнику даже неудобно, такъ какъ, признавъ этотъ разсказъ достовѣрнымъ, г. Барсовъ долженъ будетъ согласиться и съ тѣмъ объясненіемъ раскольничьяго разврата, которое дѣлаетъ г. Щаповъ и которое уважаемый сослуживецъ мой признаетъ вмѣстѣ со мною „рѣшительно ошибочнымъ“ (стр. 698).

Дальнѣйшія свидѣтельства о „крайне развратной жизни выговцевъ“ — до основанія выговскаго монастыря г. Барсовъ беретъ изъ

¹⁾ Понимая, что заключенному такъ постнику было болѣе, чѣмъ трудно тайно пригласить къ себѣ прохожихъ купцовъ, св. Димитрій Ростовскій, передающій въ Розыскѣ этотъ разсказъ Игнатія, вынужденъ былъ сдѣлать въ немъ слѣдующую перемену: «Затворенный же тѣхъ узрѣвъ и рукою къ окочу призвать, исповѣда имъ тайно вся». (Роз. стр. 578, изд. 1847 г.).

моей книги, противъ которой пишеть. А если такъ, то на какомъ же основаніи почтенный противникъ мой утверждаетъ, будто бы я „отрицаю самое существованіе распутства между обитателями выговскихъ лѣсовъ“ (стр. 698)? На этотъ вопросъ можетъ дать отвѣтъ только г. Барсовъ, а мнѣ остается показать, какъ онъ пользуется взятыми имъ изъ моей книги „фактами“.

Первый изъ такихъ фактовъ приведенъ мною на 76 стр. моего сочиненія и состоитъ въ слѣдующемъ: инокъ Корнилій, желая доказать своимъ ученикамъ, что подвигъ цѣломудрія, въ которому онъ обязывалъ ихъ, — бремя не неудобноносимое, указывалъ имъ въ примѣръ самого себя, какъ такого человѣка, который выходилъ побѣдителемъ плотскихъ движеній въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и рассказалъ притомъ одинъ, бывшій съ нимъ, случай, или, какъ я выразился, анекдотъ ¹⁾). Приведя этотъ рассказъ Корнилія, г. Барсовъ спрашиваетъ: „если цѣломудріе столь знаменитаго и авторитетнаго аскета подвергалось искушенію, то что же должны мы предположить о простыхъ смертныхъ, блуждавшихъ или осѣдло жившихъ въ однихъ мѣстахъ съ женщинами въ выговскихъ лѣсахъ?“ (стр. 699). На этотъ вопросъ я отвѣчу, что не всѣ женщины похожи на ту вдову, у которой пришлось однажды ночевать Корнилію, а тѣмъ менѣе — женщины, жившія въ выговскихъ лѣсахъ ради спасенія, и притомъ большею частію — съ своими отцами, мужьями и братьями, — въ нуждѣ и постоянномъ страхѣ, и что вообще заключать отъ частнаго къ общему не полагается логикой; иначе на томъ основаніи, что и величайшіе изъ христіанскихъ подвижниковъ иногда подвергались искушеніямъ, пришлось бы объ остальныхъ сдѣлать самое дикое заключеніе. Все это я говорю не потому, чтобы не допускалъ возможности падеій со стороны насельниковъ выговскихъ лѣсовъ, — ниже будетъ рѣчь объ этомъ, — а для того, чтобы показать, что

¹⁾ Поэтому замѣчаніе г. Барсова, будто бы я считаю рассказъ Корнилія «выдумкой» и не признаю его достовѣрнымъ, несправедливо; выдумкой я назвалъ приведенный на 77 стр. тенденціозный рассказъ историка выговской пустыни о мостройкѣ Захаріемъ кельи для себя и своего семейства.

приведенный мною рассказ Корнилія никоимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ числу свидѣтельствъ, несомнѣнно подтверждающихъ мысль г. Барсова о „крайне развратной“ жизни обитателей выговскихъ пустынь. Правда, противникъ мой, чтобы обратить рассказъ Корнилія въ пособника своей предвзятой мысли, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія и добавленія, — жившую неизвѣстно гдѣ (только не въ выговскихъ лѣсахъ) вдову, у которой ночевалъ Корнилій, превратилъ въ „пустынницу“ и — ктати даль ей и „келію“; но эта вольность г. Барсова показываетъ, что онъ самъ чувствовалъ, что рассказъ Корнилія въ томъ видѣ, какъ приводится онъ въ житіи его, напечатанномъ г. Максимовымъ, не подтверждаетъ его мысли.

Другое свидѣтельство о „крайне развратной“ жизни насельниковъ выговскихъ лѣсовъ, взятое г. Барсовымъ изъ моей книги, принадлежитъ историку выговской пустыни и говоритъ о томъ, что нѣкоторые (а не все, какъ выходитъ по рассказу г. Барсова, стр. 700) изъ жившихъ въ пустынь раскольниковъ, занершихся при приближеніи солдатъ въ часовнѣ и находившихся въ такомъ „запорѣ“ около полугода, были „не безъ искушенія и грѣха въ заперѣ“ (Истор. выг. пуст. стр. 657). По поводу этого свидѣтельства я считаю достаточнымъ сказать слѣдующее: то обстоятельство, что это свидѣтельство „исторіи выговской пустыни“, несомнѣнно указывающее на то, что даже во время гоненій нѣкоторые изъ раскольниковъ предавались разврату, приведено мною въ моей книгѣ, прямо показываетъ, насколько справедливо увѣреніе г. Барсова, будто бы я „пользовался „исторіей“ Ивана Филиппова лишь настолько, насколько ея свидѣтельства отвѣчаютъ моему взгляду, избѣгая тѣхъ показаній Филиппова, которыя выставляютъ жизнь выговцевъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ“ (стр. 699). Правда, г. Барсовъ говоритъ, что я привелъ рассматриваемое свидѣтельство Филиппова „не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему быть слѣдовало“; но если бы и согласиться съ тѣмъ, что авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“ съ большимъ, чѣмъ я, искусствомъ и правильностію расположилъ бы

содержаніе первой главы моей книги, все же несомнѣнно — то, что разбираемое свидѣтельство я привелъ не въ доказательство цѣломудрія обитателей выговскихъ лѣсовъ, и, значить, увѣреніе г. Барсова, будто бы я „отрицаю самое существованіе разврата“ между ними, не имѣетъ основанія.

Такимъ образомъ изъ немногихъ данныхъ, которыми г. Барсовъ подтверждаетъ свою мысль о „крайне развратной жизни“ насельниковъ выговскихъ пустынь и лѣсовъ до основанія выговскаго монастыря, одно только свидѣтельство историка выговской пустыни говоритъ въ пользу его взгляда. А такъ какъ это свидѣтельство Ивана Филипова о томъ, что нѣкоторые изъ молодыхъ („все люди стали молодые“) раскольниковъ предавались разврату даже во время гоненій на расколь, приведено и въ моей книгѣ, такъ какъ съ другой стороны въ ней же прямо замѣчено мною, что „требованіе безпоповцами всеобщаго дѣвства вело иногда молодыхъ людей къ искушенію“ (Сем. жизн. I, стр. 20) и что въ самую первую пору появленія безпоповщины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались между безпоповцами лица, которыя, не смотря на обѣты дѣвства, грѣшили противъ цѣломудрія (стр. 31); то изъ-за чего же и о чемъ собственно ведетъ споръ со мною г. Барсовъ?

Что касается жизни выговцевъ со времени основанія выговскаго монастыря, то въ подтвержденіе своего взгляда на этотъ предметъ г. Барсовъ ссылается на слѣдующія данныя: на указы Св. Синода отъ 7 іюля 1725 г. и отъ 2 августа 1727 года, основанные на донесеніяхъ о выговцахъ извѣстнаго іеромонаха Неофита, на „Дополненіе“ Арсенія Маціевича къ Теофилактону „Обличенію неправды раскольнической“, на книгу протоіерея Андрея Іоаннова и наконецъ на донесенія о выговцахъ лицъ, жившихъ нѣкогда въ ихъ монастырѣ и затѣмъ обратившихся въ православіе — Халтурина ¹⁾, Круглага и Григорія Яковлева. Указавъ все эти данныя, г. Барсовъ говоритъ: „свидѣтельства всѣхъ этихъ источниковъ о крайне развратной жизни

¹⁾ Халтуриновъ былъ церковный дьячекъ Толвуйской волости, поборникъ новинамъ Никоновымъ, по выраженію Ивана Филипова (Ист. выг. пуст. стр. 227).

выговцевъ такъ рѣшительны, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда считались настолько компетентными и авторитетными“, что сказать что либо въ опроверженіе ихъ невозможно ¹⁾ (стр. 697).

По поводу этого заявленія г. Барсова я нахожусь вынужденнымъ замѣтить, что противникъ мой или не читалъ тѣхъ источниковъ, на которые ссылается въ данномъ случаѣ, или не точно выразился. Онъ утверждаетъ, будто бы *есть*, указанные имъ, источники свидѣтельствуютъ о крайне развратной жизни выговцевъ, а между тѣмъ это—неправда. Такъ напр. въ указѣ Св. Синода отъ 2 августа 1727 года сказано только, что главные раскольническіе учителя Данило Викулинъ, Андрей Денисовъ и другіе, „не посвященни суще, церковная дѣйства дерзаютъ чинить, а именно: свадьбы вѣнчаютъ, перекрещиваютъ, умершихъ отпѣваютъ“ (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. I, стр. 196); но изъ того, что настоятели выговскаго монастыря вѣнчали свадьбы (если бы это и справедливо было), кажется, не слѣдуетъ, что выговцы вели жизнь „крайне развратную“, въ подтвержденіе чего г. Барсовъ приводитъ этотъ указъ. Точно также несправедливо г. Барсовъ ссылается и на показаніе Круглаго—въ доказательство распутной жизни выговцевъ; изъ того, что въ нѣкоторыхъ скитахъ, находившихся въ зависимости отъ выговскаго монастыря, раскольники жили съ своими женами и дѣтьми въ однѣхъ кельяхъ, хотя, по словамъ Круглаго, „новорожденныхъ младенцевъ“ въ этихъ скитахъ „не было“, скорѣе слѣдуетъ то, что эти раскольники жили съ своими женами хотя и „единокелейно“, но „цѣломудренно“, какъ я и объяснилъ

¹⁾ При этомъ г. Барсовъ потревожилъ память „самого Шапова“, замѣтивъ, что даже онъ не нашелся сказать что либо въ опроверженіе указанныхъ г. Барсовымъ свидѣтельствъ; очевидно, противникъ мой и не догадывается, что автору „русскаго раскола старообрядства“, издавшему свой трудъ въ 1859 году, неудобно было что либо говорить какъ противъ указовъ Св. Синода отъ 7 іюля 1725 г. и отъ 2-го авг. 1727 года, напечатанныхъ впервые въ 1860 году и притомъ въ книгѣ не всякому доступной, такъ и противъ свидѣтельствъ Арсенія Маціевича, показаній Круглаго и Григорія Яковлева, изъ которыхъ одни появились въ печати въ концѣ 1859 г., а другія—въ 1861 году.

въ своей книгѣ показаніе Круглаго (Сем. жизн. I, стр. 180), чѣмъ то, что они развратничали, что утверждаетъ г. Барсовъ. Чтобы подтвердить свой взглядъ, почтенный противникъ мой замѣчаетъ: „не говоря уже о томъ, что отсутствіе дѣтей у сожительствовающихъ мужчины и женщины отнюдь не можетъ служить доказательствомъ ихъ цѣломудрія, самъ же г. Нильскій чрезъ двѣ страницы послѣ этого своего замѣчанія передаетъ со словъ выговскаго исторіографа, какъ одинъ раскольникъ по неудовольствію на тѣхъ скитанъ, о которыхъ давалъ свои показанія Круглый, „жившихъ безчинно съ невѣнчанными дѣвками“, описалъ, „сколько въ коемъ скиту ребятъ родилось у дѣвокъ и кто прижилъ“; а другой разъ сами дѣвки били челомъ въ правительственную комиссію, производившую въ то время розыски на Выгѣ, на тѣхъ, которые имъ „ребятъ прижили и не кормятъ ихъ дѣтей“ (стр. 702). Не оспаривая той мысли г. Барсова, что отсутствіе дѣтей у сожительствовающихъ мужчины и женщины не можетъ служить доказательствомъ ихъ цѣломудрія, я однакоже не думаю, чтобы въ подобномъ фактѣ можно было видѣть и доказательство ихъ распутной жизни; имѣя же въ виду то, что жившіе въ скитахъ съ своими женами раскольники обязаны были, по правиламъ своего толка, вести жизнь цѣломудренную, наравнѣ съ обитателями выговскаго и лексинскаго монастырей (Брат. Денис. стр. 95—7), естественнѣе объяснять отсутствіе у нихъ дѣтей воздержаніемъ ихъ отъ супружескихъ сношеній, чѣмъ развратомъ. Что же касается указанія г. Барсова на то, что будто бы въ тѣхъ же скитахъ, о которыхъ давалъ свои показанія Круглый, раскольники жили „безчинно съ невѣнчанными дѣвками и приживали отъ нихъ дѣтей“, то мнѣ просто совѣстно доказывать моему противнику, что эти послѣдніе скиты—*не тѣ*, о которыхъ показывалъ Круглый; въ скитахъ, въ которыхъ, по словамъ Круглаго, не было новорожденныхъ младенцевъ, раскольники жили *не съ невѣнчанными дѣвками*, а съ своими законными женами, съ которыми они вступили въ бракъ въ православной церкви—до перехода своего въ расколъ (Раск. дѣл. Есинова, I, стр. 430 и др.); поэтому,

еслибы у этихъ послѣднихъ раскольниковъ даже были дѣти, и въ такомъ случаѣ ихъ нельзя было бы обвинять въ развратѣ, какъ дѣлаетъ это г. Барсовъ, такъ какъ они рождали бы дѣтей отъ своихъ законныхъ женъ. Наконецъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы смятые, о распутствѣ которыхъ я привелъ свидѣтельство историка выговской пустыни на 184 стр. моей книги, были тѣже, о которыхъ показывалъ Круглый, — это обстоятельство не давало бы г. Барсову права считать слова Круглаго и мое толкованіе ихъ несправедливыми; Круглый рассказывалъ на допросѣ о томъ, что онъ видѣлъ въ скитахъ до 1738 года, а Иванъ Филиповъ говоритъ о доносѣ одного раскольника на скитянь, послѣдовавшемъ „послѣ кругловщины“ (Ист. выг. пуст. стр. 436 и 456); а извѣстно, что продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ розыски по доносу Круглаго и были главной причиной появленія въ скитахъ, равно какъ и въ самыхъ монастыряхъ, того нравственнаго распадѣнія и разложенія, о которомъ отказывается говорить Филиповъ „срама ради“ (Памятн. кн. Олон. губ. на 1867 г. ч. III, стр. 79, 86 — 9) и образчикъ котораго представляло поведеніе тѣхъ, жившихъ „безчинно съ невѣнчанными дѣвками“, скитянь, о которыхъ Ивана Филипова я привелъ въ своей книгѣ. Это послѣднее замѣчаніе пусть будетъ новымъ доказательствомъ того, насколько справедливо не разъ повторяемое г. Барсовымъ заявленіе, будто бы каждый рассказъ раскольниковъ исторіографа „относительно безобразій раскольниковъ быта“ я считаю недостовернымъ (стр. 700).

Такимъ образомъ увѣреніе г. Барсова, будто бы *все*, указанные имъ, источники „рѣшительно свидѣлствуютъ о крайне развратной жизни выговцевъ“, несправедливо.

Не менѣе несправедлива и другая мысль моего противника, будто бы *все* свидѣтельства о жизни выговцевъ, содержащіяся въ исчисленныхъ выше источникахъ, какъ противныя моему взгляду, я или игнорирую, или признаю недостоверными“ (стр. 698—9). За исключеніемъ свидѣтельствъ о распутствѣ выговцевъ Арсенія Маціевича и рассказа о разгульной жизни Андрея Деясова — Гри-

горія Яковлева, всѣ остальные данныя, указанныя г. Барсовымъ, приведены въ моей книгѣ, какъ я объ этомъ уже и говорилъ въ своемъ „отвѣтѣ“ моему противнику („Церк. Вѣстн.“ № 39, стр. 5 и 6). Какъ же послѣ этого понимать вышеприведенное обвиненіе противъ меня г. Барсова и даже его сомнѣніе въ томъ, зналъ ли я указанныя имъ данныя (ст. 704)?

Что же касается свидѣтельствъ о развратѣ выговцевъ Арсенія Маціевича и разказа о веселой жизни Андрея Денисова, то въ томъ же „отвѣтѣ“ я объяснилъ автору „Братьевъ Денисовыхъ“, почему обошелъ въ своей книгѣ эти данныя. Г. Барсовъ считаетъ объясненіе мое неудовлетворительнымъ (стр. 701) и продолжаетъ увѣрять, что свидѣтельство Маціевича о томъ, что выговцы „грѣхъ содомскій и грѣхъ свальный и дѣтоубійство, въ языцѣхъ на силу именуемое, за грѣхъ не вмѣняли“, и всѣмъ, приходившимъ къ нимъ, „повелѣвали жить въ свальномъ грѣхѣ“,—несомнѣнно, компетентно и авторитетно. Послѣ того, что я уже сказалъ объ этомъ предметѣ въ 39 № „Церковнаго Вѣстника“, я не стану спорить съ г. Барсовымъ и только предложу ему слѣдующіе вопросы: 1) если допустить, согласно съ словами Арсенія Маціевича, что выговцы удалялись въ пустыню „не богораднаго ради житія, а ради одного самовольства и грѣха свальнаго“, котораго даже не считали грѣхомъ, повелѣвая всѣмъ жить въ этомъ грѣхѣ, то почему г. Барсовъ считаетъ „рѣшительно ошибочнымъ“ (стр. 698) мнѣніе „самого“ Щапова, будто бы расколъ безпоповщинскій ввелъ у себя безбрачіе не влѣдствіе прекращенія вънемъ священства, а въ видахъ поблажки ничѣмъ нестѣсняемому разврату, къ которому будто бы особенно былъ склоненъ нашъ народъ въ эпоху появленія раскола? 2) если „грѣхъ свальный“ былъ возведенъ выговцами въ теорію, въ доктрину, то какое будетъ различіе между поморцами и развратною еедосѣвщиной временъ Ковылина,—различіе, признаваемое г. Барсовымъ (стр. 696, снес. Бр. Ден. стр. 99)? 3) если выговцы и проповѣдывали „свальный грѣхъ“ и утопали въ этомъ грѣхѣ, то какъ объяснить постоянныя наставленія выговскихъ на-

стоятелей о „чистотѣ тѣлесной“, ихъ заботы объ охраненіи цѣломудрія подчиненныхъ и тѣ строгія мѣры противъ нарушителей цѣломудрія, которыя практиковались Денисовыми и другими и которыя состояли не въ однихъ „епитеміяхъ“, какъ думаетъ объ этомъ г. Барсовъ нынѣ (стр. 696), а и въ поклонахъ, постѣ, тѣлесномъ наказаніи, даже въ удаленіи изъ общины (Бр. Ден. стр. 86, 94 и 97; снес. Ист. выг. пуст. стр. 226), какъ писалъ объ этомъ авторъ „Братевъ Денисовыхъ“ въ 1866 году? а эти мѣры противъ разврата употреблялись не при Денисовыхъ только (Сем. жизн. I, стр. 29), которые, по словамъ г. Барсова, свое выголексинское общежителство хотѣли представить „богоспасаемою обителью иночествующихъ (съ содомскимъ-то и свальнымъ грѣхомъ!) и не только представить въ словѣ, но и по возможности на дѣлѣ осуществить“ (Бр. Ден., стр. 74), но и въ то время, когда Арсеній Маціевичъ писалъ свое „Дополненіе“, т. е. при Иванѣ Филиповѣ (Пам. Кн. Олон. губ. на 1867 г. ч. 11, стр. 88—9); какъ въ частности объяснить, что управленіе женскимъ лексинскимъ монастыремъ было поручено Исакію Евзимому, „замѣчательному дѣвственнику“, по словамъ г. Барсова (Бр. Ден. стр. 90), „вельми чистоту тѣлесную хранившему“, по выраженію Филипова (Ист. выг. пуст. стр. 135)? наконецъ 4) если, по словамъ Маціевича, развратъ составлялъ правило жизни для обитателей выговскаго монастыря, то чѣмъ заслужилъ онъ у раскольниковъ разныхъ мѣстъ то „огромное нравственное значеніе“, о которомъ говоритъ авторъ „Братевъ Денисовыхъ“ въ своемъ изслѣдованіи и, благодаря которому, „благочестивые раскольники“ жертвовали на благоустроеніе обители свои не рѣдко громадныя богатства „по вѣрѣ въ силу и дѣйственность молитвъ“ выговцевъ (Бр. Ден. стр. 75)?

Что касается разсказа Григорія Яковлева объ отравленіи Андрея Денисова одною изъ его любовницъ, то г. Барсовъ говоритъ, что въ моихъ замѣчаніяхъ о недостоверности этого разсказа, которыя изложены въ „Церк. Вѣстн.“, „онъ не видитъ основаній, почему разсказъ Филипова, прямо заинтересованнаго въ сокрытіи этого

скандала, должно считать болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ разсказъ Яковлева“ (стр. 702). Если такъ, то я попрошу моего противника терпѣливо выслушать еще слѣдующія замѣчанія. Имѣлъ ли Иванъ Филиповъ „прямой интересъ“ скрыть отъ читателей его „Исторіи выговской пустыни“ отравленіе Денисова, если оно было, или не имѣлъ, этого я не знаю; но знаю, какъ уже и говорилъ объ этомъ прежде (Церк. Вѣстн. № 39, стр. 6), что Филиповъ рассказываетъ въ своемъ произведеніи о самыхъ скандальныхъ фактахъ изъ жизни выговцевъ. Такъ напр. что можетъ быть постыднѣе для ревнителѣй „древняго благочестія“ поведенія тѣхъ изъ раскольниковъ, сгруппировавшихся около инока Іосифа, которые, сидя „въ запорѣ“ и готовясь къ сожженію, предавались разврату? и однакоже Филиповъ не счелъ нужнымъ скрыть этотъ фактъ; не много назиданія могли найти себѣ читатели „Исторіи выговской пустыни“ и въ томъ обстоятельстве, что этотъ „отецъ Іосифъ“, взятый въ Холмогоры, измѣнилъ на допросахъ „древнему благочестію“, или, по выраженію Филипова, „предался“; но и эту частности раскольниковъ исторіографъ внесъ въ свой трудъ (Ист. выг. пуст., стр. 65—7). Не много чести приносить выговцамъ и тотъ фактъ, что посланный ими на Мезень „человѣкъ“ за оленями для новой императрицы Елизаветы Петровны прощяяствовалъ тамъ двѣ недѣли и не исполнилъ порученія, и однакоже Филиповъ рассказываетъ въ своей „исторіи“ и объ этомъ случаѣ (стр. 447); не безъ смущенія могли читать раскольники разсказъ Филипова и о томъ, что, во время розысковъ по допусу Круглаго, въ скитахъ, равно какъ и въ монастырѣ, появился сильный развратъ; тѣмъ не менѣе авторъ „Исторіи выговской пустыни“ не скрылъ и этого печальнаго обстоятельства (стр. 372, 436, 456 и 462); однимъ словомъ: есть много данныхъ въ „Исторіи выговской пустыни“ для того, чтобы г. Барсову оставаться вѣрнымъ своему прежнему взгляду на автора ея, какъ свидѣтеля, „заслуживающаго полного довѣрія“ (Вр. Денис. стр. 67 и 81). Правда, нынѣ г. Барсовъ усвоилъ себѣ особый взглядъ на раскольническихъ писателей; „гораздо естественнѣе предположить, говорить онъ,

что раскольникъ жетъ, когда хвалить самого себя, нежели когда онъ рассказываетъ о самомъ себѣ нехорошія вещи“ (стр. 700); но вѣдь этотъ взглядъ можетъ быть приложенъ и не къ однимъ раскольникамъ, хотя бы въ силу поговорки: „никто себѣ не врагъ“; въ данномъ же случаѣ къ Филипову едвали справедливо прилагать его; воехвалая добродѣтели Андрея Денисова (уже давно умершаго), которымъ дивился, Филиповъ замѣчаетъ: „не лаская тебя, отче, сіе пишу, не буди сего, сладкій мой“ (Ист. выг. пуст. стр. 204), и такимъ замѣчаніемъ даетъ понять читателю, что говоритъ безпристрастно. Г. Барсовъ замѣчаетъ; что „еслибы даже Филиповъ писалъ свою исторію не въ эпоху правительственныхъ разслѣдованій о жизни выговцевъ, ему ни въ какомъ случаѣ не подобало говорить что-либо нехорошее про свой монастырь, развѣ то, чего никакъ нельзя было утаить“ (стр. 704—5); и однако же, какъ я показалъ выше, Филиповъ говоритъ много нехорошаго про свой монастырь и притомъ — такого, что легко было утаить. Лучшимъ же доказательствомъ того, какъ мало вліяла на безпристрастіе выговскаго историка „эпоха правительственныхъ разслѣдованій о жизни выговцевъ“, въ которую онъ писалъ свою исторію, могутъ служить откровенные рассказы Филипова о взяточничествѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя производили эти разслѣдованія (Истр. выг. пуст., стр. 419, 428—9, 435, 457 и др.), и о подкупахъ, къ какимъ прибѣгали выговцы для того, чтобы расположить „праведныхъ судей“ въ свою пользу.

Далѣе: если отравленіе Денисова одною изъ его сожительницъ было извѣстно Григорію Яковлеву, то по всей вѣроятности оно не было секретомъ и для другихъ обитателей выговскаго монастыря, а равно и для тѣхъ изъ православныхъ, которые внимательно слѣдили за всѣмъ, что происходило въ немъ, и особенно за дѣйствіями настоятелей монастыря; а между тѣмъ ни Холтуриновъ, ни Круглый, доносившіе правительству на выговцевъ — съ цѣлію „на выговскую пустынь гнѣвъ навести къ разоренію“, ни слова не сказали объ этомъ фактѣ, котораго одного было бы достаточно, что-

бы правительство наложило на выговцевъ свою мощную руку, и о смерти Андрея Денисова показали только: „при немъ же-де Семейнѣ былъ братъ родной Андрей Денисовъ, кой умре“ (Раск. дѣл. Есинов. 1, стр. 414). Наконецъ если Денисовъ велъ разгульную жизнь и объ этомъ знали даже такіе случайные обитатели выговскаго монастыря, какимъ былъ Григорій Яковлевъ, жившій и въ Старой Русѣ, и въ Лифляндіи, и въ Польшѣ, и въ Москвѣ и только временно посѣщавшій выговскій монастырь (Обз. русск. дух. лит. 2, стр. 31); то почему же „народъ“ (т. е. масса выговскаго населенія) еще при жизни Андрея Денисова „вмѣнялъ“ его не только „за великое и сильное“ но и „за святое лицо“, какъ доносилъ объ этомъ іеромонахъ Неофитъ (Опис. дѣл. и докум. 1, стр. 479)? Правда, я не считаю Неофита свидѣтелемъ вполне достовернымъ; но г. Барсовъ смотритъ на него иначе (Бр. Денис. стр. 154, примѣч.) и потому волей-неволей долженъ согласиться съ его отзывомъ о взглядѣ на Денисова массы выговскаго населенія, считавшей его за святаго, — долженъ согласиться тѣмъ болѣе, что въ 1866 году г. Барсовъ самъ говорилъ, что популярность Андрея Денисова и уваженіе, какимъ онъ пользовался, основывались между прочимъ на томъ, что онъ „брася съ міромъ, тѣломъ и діаволомъ: съ міромъ чрезъ отверженіе, съ тѣломъ чрезъ умерщвленіе, съ діаволомъ чрезъ пощеніе и молитвы“ (Бр. Денис. стр. 67). Все это я говорю не потому, чтобы хотѣлъ написать „апологию“ Денисова, какъ не думалъ писать и „апологию“ выговцевъ, въ чемъ однакоже обвиняетъ меня мой противникъ (стр. 698), а потому, что серьезно не признаю достовернымъ несомнѣнно тенденціозный рассказъ Григорія Яковлева. Не трудно понять и причину этой тенденціозности; отступники хотя бы отъ раскола рѣдко относятся къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ безпристрастно.

Не ограничиваясь указаніемъ на то, что я „игнорировалъ“ въ своей книгѣ свидѣтельство Арсенія Маціевича и рассказъ Григорія Яковлева, г. Барсовъ утверждаетъ, будто бы *есть* другія свидѣтельства православныхъ источниковъ о развратной жизни выговцевъ,

приведенныя мною въ моемъ сочиненіи, я признаю недостовѣрными, какъ противныя моему взгляду.

Что свидѣтельство указа св. Синода отъ 2 августа 1727 года (а равно и Халтуринова) о томъ, будто бы уже въ это время настоятели выговскаго монастыря „свадьбы вѣнчали“, я призналъ недостовѣрнымъ, это правда (Сем. жизн. I, стр. 178—9, примѣч.); но неужели г. Барсовъ не сознаетъ, что, признавая это свидѣтельство достовѣрнымъ, онъ становится въ противорѣчіе не только съ тѣми данными, которыя приводитъ въ своей статьѣ, но и съ самимъ собою? Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что Андрей Денисовъ и Данила Викулинъ „свадьбы вѣнчали“ еще въ 1727 году, какъ говорится объ этомъ, на основаніи донесенія Неофита, въ синодскомъ указѣ, то какъ объяснить въ такомъ случаѣ свидѣтельство Ивана Алексѣева, бывшаго въ выговскомъ монастырѣ въ 1728 году, о томъ, что Денисовъ на вопросъ Алексѣева: какъ поступаютъ у нихъ съ тѣми раскольниками, „кои по познаніи (раскола) сопрягошася“, отвѣчалъ: „таковыхъ у насъ обще подъ цѣломудренное житіе и соединеніе братства церковнаго пріимать положено“ (Бр. Денис., 91—2; Сем. жизн. I, стр. 118—19), т. е. такіе супруги обязывались выговцами жить цѣломудренно, какъ братъ съ сестрою? Правда, Алексѣевъ думаетъ, что Денисовъ отвѣчалъ не по убѣжденію, а „немоци ради развращеннаго народа, чтобы обществу было не подъ раздоръ“; но если бы и согласиться, что Алексѣевъ съумѣлъ угадать тайныя думы Денисова, все же несомнѣнно то, что масса выговскаго населенія была противъ брака¹⁾ и — въ пользу жизни цѣломудренной. Могли ли послѣ этого настоятели вѣнчать свадьбы и кого въ такомъ случаѣ они вѣнчали? Жителей деревень, сосѣднихъ къ выговскимъ лѣсамъ, какъ думаетъ (стр. 707) г. Барсовъ? Но кромѣ того, что въ указѣ нѣтъ основанія для такого предположенія, ему противорѣчитъ показаніе допрошенныхъ по доносу Хал-

¹⁾ А между тѣмъ г. Барсовъ утверждаетъ, что Денисовъ заключалъ браки именно по снисхожденію «къ немощи» жестоковѣрнаго и развращеннаго народа» (стр. 707)!

туринова жителей этихъ деревень, а равно поповъ и причетниковъ, которые всѣ въ одинъ голосъ говорили, что „выгорѣцкіе пустынножители Данила Викуловъ, Семень Денисовъ“ и др. „свадебъ у нихъ не вѣнчаютъ“ (Раск. дѣл. Есипов. I, стр. 325). Далѣе: если допустить, что Денисовъ Андрей и Данииль Викулинъ стали вѣнчать свадьбы еще въ 1727 году, то какъ понимать въ такомъ случаѣ слова Михайла Вышатины къ выговскимъ настоятелямъ, сказанныя имъ въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія: „я-де вамъ не товарищъ буду на судѣ Божіи въ томъ, яко браки затвористе“, и затѣмъ путешествіе его на Востокъ, продолжавшееся до 1732 года, — съ цѣлю отысканія тамъ необходимой для заключенія брака правильной „хиротоніи“? Затѣмъ, если вѣнчаніе и слѣдовательно признаніе браковъ выговскими настоятелями началось еще въ 1727 году, то какъ объяснить, что Круглый, донося на выговцевъ въ 1738 году, прямо показывалъ, что „свадебъ между ними не бываетъ“ и что настоятели выговскаго монастыря считали всякаго, вступившаго въ бракъ, „за отпавшаго отъ ихъ православной вѣры“, не молились съ нимъ и проч. (Раск. дѣл. I, стр. 471—2), и самого Круглаго убѣждали послѣ смерти первой жены его не жениться больше, говоря: „вѣдь-де нынѣ брака истиннаго нѣтъ“ (Сем. жизн. I, стр. 178; Раск. дѣл. I, стр. 421, 424, 430 и др.)? Какъ объяснить — и то, что даже въ то время, когда появились въ безпоповщинѣ новожены, ихъ, по свидѣтельству Алексѣева, принимали „въ поморскихъ странахъ“ хотя и подъ „единодомовное“, но въ то же время „цѣломудренное житіе“ (Сем. жизн. I, стр. 175—6)¹⁾, и что въ то время, когда московскій поморецъ Василій Емельяновъ сталъ вѣнчать браки (въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія), Выгорѣція потребовала его на судъ и подъ угрозою отлученія запретила ему вѣнчать браки, ссылаясь въ своемъ опредѣленіи на „прежнихъ отцевъ — Данила Викулича, Андрея и Семена Денисовичей и прочихъ

¹⁾ А по свидѣтельству «поморскаго устава соборнаго благочестія, отъ новоженыхъ, поселявшихся въ скитахъ, требовалось даже, чтобы они съ шедшими жемами въ единомъ скитѣ отнюдь не жили» (Тамъ же стр. 181).

по нихъ“ (Тамъ же стр. 219—222)? Наконецъ, если г. Барсовъ признаеть, на основаніи разсматриваемаго указа св. Синода и показаній Халтуринова, что настоятели выговскаго монастыря стали вѣнчать браки еще въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и притомъ „снисходя къ немощи жестоковѣрнаго и развращеннаго народа“, то какъ же онъ согласить съ этимъ признаваемое имъ достовѣрнымъ свидѣтельство Маціевича о томъ, будто бы выговцы всѣмъ женатымъ раскольникамъ, приходившимъ къ нимъ, повелѣвали жить не съ женами, а въ свальномъ грѣхѣ? Однимъ словомъ: почтенный противникъ мой поставилъ себя въ большое затрудненіе, рѣшившись признать достовѣрными противурѣчивыя свидѣтельства тѣхъ источниковъ, которые считаетъ „компетентными и авторитетными“. Я не отвергаю того, что Андрей Денисовъ во взглядѣ на „новые браки“ колебался и говорилъ одному одно, другому—другое, смотря по лицу, съ которымъ бесѣдовалъ (Сем. жизн. I, стр. 98—100); но утверждать, на основаніи синодскаго указа 1727 года и показаній Халтуринова, будто бы онъ самъ вѣнчалъ браки, какъ дѣлаетъ это г. Барсовъ, значить забывать, что Денисовъ считалъ законнымъ только бракъ, заключенный „епископомъ благочестивымъ, или отъ тоя парохіи священникомъ“ (Тамъ же стр. 21).

Что же касается остальныхъ свидѣтельствъ, которыми г. Барсовъ подтверждаетъ свою мысль о крайне развратной жизни выговцевъ, со времени основанія выговскаго монастыря, именно, свидѣтельства протоіерея Іоаннова о распутствѣ многихъ выговскихъ послушниковъ и указа св. Синода отъ 7 іюля 1725 года, въ которомъ говорится, что выговцы „живутъ прелюбодѣйно безъ вѣнчанія¹⁾, то я не сказалъ ни слова противъ достовѣрности этихъ

¹⁾ Г. Барсовъ замѣчаетъ, что между этимъ указомъ и указомъ 1727 г., въ которомъ сказано, что выговскіе настоятели «свадьбы вѣнчаютъ», не будетъ противорѣчія, *если* подъ вѣнчаніемъ будемъ разумѣть въ первомъ указѣ—вѣнчаніе православное, а во второмъ—раскольническое (стр. 707); правда; но можно ли такъ толковать слово «вѣнчаніе», на основаніи разсказа Алексѣева относительно разсужденій Денисова о бракѣ, это другой вопросъ, на который я могу отвѣчать только отрицательно; г. Барсовъ естественно могъ бы устранить допускаемое

свидѣтельствъ, что—не безъ противорѣчія себѣ признаеть и г. Барсовъ (стр. 701 и 703). Правда, по словамъ автора „Братьевъ Денисовыхъ“, свидѣтельство Іоаннова я понялъ будто бы невѣрно, отнеся его къ тому времени, когда Петръ I даровалъ выговцамъ „свободу по старопечатнымъ книгамъ службы отправляти“ и—въ частности—къ насельникамъ выговскаго монастыря, тогда какъ, по мнѣнію г. Барсова, въ свидѣтельствѣ Іоаннова рѣчь идетъ о *первыхъ* временахъ раскола въ Поморьѣ и о скитахъ, а не о монастырѣ. „Неужели г. Нильскій не знаетъ, замѣчаетъ по этому поводу мой противникъ, что монастырь выговскій, о которомъ онъ говоритъ на стр. 25—31, и скиты, о которыхъ говорится у Іоаннова, — двѣ вещи различныя“? (стр. 704). Я въ свою очередь спрошу г. Барсова: неужели онъ не знаетъ, что тотъ пріемъ, къ какому иногда прибѣгаетъ авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“ въ ученомъ спорѣ со мною и какой онъ употребилъ и въ настоящемъ случаѣ, чтобы доказать неправильность моего пониманія свидѣтельства Іоаннова, не можетъ вести къ истинѣ? Чтобы обратить въ свою пользу рассказъ инока Корнилія, г. Барсовъ, какъ я уже показалъ выше, сдѣлалъ въ немъ измѣненія и прибавленія; теперь—съ тою же цѣлію онъ опускаеть изъ свидѣтельства Іоаннова два слова, которыя счелъ неудобными для себя. У Іоаннова сказано: „съ начала многіе *поморскаго монастыря* послушники“..., а г. Барсовъ напечатанныя курсивомъ слова, прямо указывающія, о комъ ведеть рѣчь авторъ „полнаго историческаго извѣстія о старообрядцахъ“ — о жителяхъ ли скитовъ, или объ обитателяхъ выговскаго монастыря, опустилъ и при помощи такого пріема

мною противорѣчіе между означенными указами тѣмъ предположеніемъ, что до 1725 г. включительно выговцы отвергали бракъ и жили «прелюбодѣйно безъ вѣнчанія», а съ 1727 г. настоятели выговскаго монастыря сами стали «вѣнчать свадьбы», хотя и такимъ предположеніемъ не устраняются какъ вышеизложенныя соображенія противъ «вѣнчанія свадебъ» выговскими настоятелями, такъ и извѣстія раскольническихъ и православныхъ писателей о томъ, что первый сталъ вѣнчать браки пораскольнически московскій поморець Василій Емельяновъ — не раньше 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія (Сем. жизн. I, стр. 199, прим. 2-е; Іоаннов. стр. 108, изд. 1794 г.).

начинаетъ доказывать, будто бы у Іоаннова рѣчь идетъ не о монастырѣ выговскомъ, а о скитахъ, не замѣчая того, что одно слово: „послушники“ къ скитамъ, въ которыхъ, по словамъ г. Барсова, раскольники жили „житейскимъ житіемъ“, т. е. правильными семейными группами (стр. 708), не легко приложимо. Если же Іоанновъ говорить о послушникахъ выговскаго монастыря, то само собой становится яснымъ, къ *первымъ* ли временамъ раскола въ Поморѣ, или къ тому времени, когда Петръ I далъ (1705 г.) выговцамъ право отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, относится рѣчь его о „пустынныхъ плодахъ“, которые съ теченіемъ времени стали приносить этимъ „послушникамъ“ посѣщавшія ихъ послушницы, доставлявшія имъ „съ начала“ одно только „нужное“¹⁾.

Продолжая развивать и доказывать свою мысль о томъ, будто бы я „рѣшительно отвергаю твердо установившійся въ нашей противораскольнической литературѣ“ взглядъ на крайне развратную жизнь выговцевъ и „дѣлаю совершенно иное освѣщеніе общеизвѣстнымъ фактамъ ихъ жизни“, г. Барсовъ указываетъ и причину, по которой я далъ „иную постановку вопросу о жизни выговцевъ“, замѣчая: „единственнымъ источникомъ свѣдѣній относительно степени нравственности выговцевъ служить для г. Нильскаго „Исторія выговской пустыни“, которою онъ пользуется настолько, на сколько ея свидѣтельства отвѣчаютъ его взгляду, избѣгая тѣхъ-показаній Ивана Филипова, которыя выставляютъ жизнь выговцевъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ“ (стр. 699). Насколько основательны слова г. Барсова, читатель могъ видѣть уже изъ вышеизложеннаго, а потому, не останавливаясь на нихъ, перейду къ другому замѣчанію, какое дѣластъ мой противникъ по поводу того, что я пользовался „Исторією выговской

¹⁾ Подобно этому поступилъ (стр. 703) г. Барсовъ, когда мои критическія замѣчанія о передаваемомъ въ «Розыскѣ» извѣстіи іеромонаха Макарія относительно Стефановщины отнёсъ къ словамъ ростовскаго святителя, которыми онъ характеризовалъ безоповщину вообще, въ частности—волосатовщину, андреевщину, иларіоновщину и др., и противъ достовѣрности которыхъ я не сказалъ ни слова; а между тѣмъ г. Барсовъ не указываетъ тѣхъ страницъ моей книги, на которыхъ находятся мои подлинныя слова объ этомъ предметѣ.

пустыни“. Сказавши, что твореніемъ Ивана Филипова пользовались для научно-историческихъ и полемическихъ цѣлей и г. Щаповъ и преосв. Макарій¹⁾ и—даже „въ гораздо большей мѣрѣ“, чѣмъ я, г. Барсовъ продолжаетъ: „но никому никогда не приходило на мысль сдѣлать изъ этого изученія исторіи выговской пустыни то употребленіе, какое сдѣлалъ изъ него г. Нильскій; никому никогда не приходило въ голову вѣрить роказаньямъ выговскаго настоятеля о непо-мѣрномъ благонравіи выговцевъ“ (стр. 704). Очевидно, моему почтенному противнику неизвѣстно, какъ смотрѣли на „роказанья“ Филипова лица, пользовавшіяся исторіею выговской пустыни еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ г. Щаповъ и преосвященный Макарій, а равно лица, изучавшія поморскій расколъ на мѣстѣ. Авторъ „Описанія раскольническихъ сочиненій“, изложивъ подробно содержаніе труда Филипова и указавъ кратко различіе между „Виноградомъ російскимъ“ Семена Денисова и „Исторіею выговской пустыни“ Ивана Филипова, дѣлаетъ о сочиненіи послѣдняго слѣдующій отзывъ:

« Не то у Филипова. Почти всѣ изображаемыя имъ лица онъ видѣлъ самъ; во всѣхъ почти, въ самыхъ главныхъ изъ изображаемыхъ имъ событій самъ онъ былъ не послѣднимъ участникомъ. Изъ лицъ, имъ выставленныхъ, нѣкоторые имѣли характеръ высоко замѣчательный, каковы—братья Денисовы; *почти всѣ прочія лица вели жизнь суровоподвижническую*... нѣкоторые изъ нихъ умирали, какъ могутъ, умирать только или истинные праведники, или глубоко самообольщенные фанатики... И образованный, предубѣжденный противъ раскола читатель, не можетъ не поддаться вліянію этого раскола и не пожалѣть, что *эти люди такъ сурово жили, такъ много ждали въ вѣчности отъ своей труднической жизни* и умерли внѣ общенія съ истинною церковію Божіею » (Опис. I, стр. 259).

Однофамилецъ моего противника, г. Е. Барсовъ, изучавшій поморскій расколъ на мѣстѣ и написавшій монографію Ивана Филипова, объ „Исторіи выговской пустыни“ буквально повторяетъ

¹⁾ По скромности г. Барсовъ умолчалъ, что и онъ не мало почерпнулъ изъ сочиненія Филипова для своего изслѣдованія о «Братьяхъ Денисовыхъ», и даже больше, чѣмъ г. Щаповъ.

отзывъ А. Б. (Пам. кн. Олон. губ. на 1867 г. ч. III, стр. 99). Считаю лишнимъ доказывать, что упомянутые писатели, очевидно, держатся иного взгляда на раскольничьяго историографа, чѣмъ какой высказываетъ г. Барсовъ, увѣряя, будто-бы Филиповъ „завѣдомо лжетъ“, когда „воспѣваетъ, по заданному Денисовыми тону, хвалебные дифирамбы небывалымъ добродѣтелямъ выговскихъ обитателей“ (стр. 699—700), я думаю, что г. Барсовъ не правъ и въ томъ случаѣ, когда утверждаетъ, будто бы учоный авторъ „Исторіи русскаго раскола“ „изъ всѣхъ разсказовъ Филипова находить достовѣрнымъ лишь свидѣтельство его о томъ, что въ выговской пустыни грѣхи и беззаконія умножились до того, что и говорить о нихъ невозможно срама ради“, и будто бы эту „фразу“ выговскаго историка преосв. Макарій „характеризовалъ всю жизнь выговцевъ вообще, за все время существованія выговской пустыни отъ самаго ея начала“ (стр. 705—6). Для г. Барсова ничего не значитъ къ словамъ преосвященнаго автора „Исторіи русскаго раскола“: „каковы были жизнь и дѣла выговцевъ“ прибавить слово: „вообще“; но я не думаю, чтобы учоный архипастыръ призналъ такую прибавку умѣстною, такъ какъ свидѣтельствомъ Филипова, относящимся ко времени „зловключенія на выговскую пустыню чрезъ Ивана Круглага“, характеризовать всю вообще жизнь выговцевъ—отъ самаго начала выговской пустыни, по моему, несправедливо и не научно. Поэтому всѣ разсужденія г. Барсова о томъ, будто бы я противорѣчу преосвященному Макарію, относя свидѣтельство Филипова объ умноженіи грѣховъ и беззаконій въ выговской пустыни къ тому времени, когда Иванъ Алексѣевъ началъ проповѣдывать свое ученіе о необходимости брачной жизни, или вѣряѣ, ко времени настоятельства Ивана Филипова, я считаю не заслуживающими опроверженія.

Иное дѣло—не разъ повторяемая г. Барсовымъ мысль, будто бы я неправильно, „тенденціозно“ описалъ жизнь выговцевъ на 25—31 стр. моей книги. Содержаніе этихъ страницъ моего сочиненія, послужившее для моего противника главнымъ поводомъ къ

полемиѣ со мной, положительно не даетъ покоя г. Барсову; въ своей статьѣ онъ указываетъ 25—31 стр. моей книги по меньшей мѣрѣ разъ семь и каждый разъ прибавляетъ, что сказанное мною на нихъ невѣрно, тенденціозно, опровергается другими данными, находящимися въ другихъ мѣстахъ моего сочиненія. А между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что на указанныхъ страницахъ я говорю о выговцахъ почти тоже (только съ большею подробностію), что было сказано о нихъ въ свое время преосвященнымъ авторомъ „Исторіи русскаго раскола“ (стр. 257), въ чемъ мимоходомъ сознается и мой противникъ (стр. 705), и что можно найти въ изслѣдованіи самого г. Барсова (Брат. Ден. 81—4, 94—7), и именно: опровергая мысль г. Щацова, будто бы безпоповщина установила у себя безбрачіе не по неимѣнію священства, необходимаго для заключенія брака, а въ видахъ поблажки ничѣмъ не стѣсняемому разврату, къ которому будто бы особенно склонны были послѣдователи безпоповщины, и приведа въ опроверженіе этой мысли доказательства изъ разныхъ сочиненій раскольническихъ, писанныхъ безпоповцами и въ частности—поморцами въ оправданіе своего безбрачія, я на стр. 24—30 старался показать, что самый образъ жизни выговцевъ, основанный на началахъ чисто монастырскихъ, несомнѣнно подтверждаетъ то, что они проповѣдывали безбрачіе не изъ желанія льстить вкусу массы, будто бы предпочитавшей развратъ законному сожитію, а по искреннему убѣжденію въ невозможности вступать въ бракъ влѣдствіе неимѣнія православнаго священства. Описывая правила и образъ жизни выговцевъ, я указывалъ на то, что настоятели выговскаго монастыря, не ограничиваясь постоянными внушеніями—жить цѣломудренно, употребляли и другія болѣе практическія средства къ тому, чтобы подчиненные ихъ не впадали въ искушенія, и для этого не только запрещали мужчинамъ и женщинамъ жить вмѣстѣ въ однѣхъ кельяхъ, но даже во время общихъ молитвенныхъ собраній отдѣляли однихъ отъ другихъ особо завѣсою ¹⁾); а затѣмъ, когда въ монастырь стали стекаться

¹⁾ Поэтому увѣренію г. Барсова, будто бы на эту «завѣсу» я смотрю, какъ

цѣлыя сотни раскольниковъ, настоятели, въ видахъ огражденія нравственности подчиненныхъ, раздѣлили весь монастырь на двѣ половины, изъ которыхъ на одной помѣстили мужчинъ, а на другой женщинъ, отдѣливъ кельи первыхъ отъ помѣщеній послѣднихъ большою деревянною стѣною и запретивъ всѣмъ, кромѣ „духовнаго отца, настоятелей и келаря“, переходить съ одной половины на другую, и только для свиданія родственниковъ и другихъ необходимыхъ нуждъ сдѣлано было въ стѣнѣ окно; но и тутъ для надзора за свиданіями помѣщалась въ особой кельѣ „духовная старица сама друга“; мало этого для наблюденія за поведеніемъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, назначено было нѣсколько особыхъ надзирателей и надзирательницъ, которые обязаны были слѣдить за подчиненными имъ не только въ кельяхъ, но и на работахъ, которыя притомъ должны были производиться мужчинами отдѣльно отъ женщинъ. Впослѣдствіи выговцы совершенно удалили женщинъ изъ монастыря, устроивъ для нихъ особую женскую обитель—на разстояніи 20 верстъ отъ монастыря и подчинивъ обитательницъ ея тѣмъ же правиламъ, какія обязательны были и для мужскаго монастыря; а для надзора за рабочими-мужчинами, жившими въ отдѣльныхъ отъ обители кельяхъ, приставленъ былъ „мужъ благъ“, который „вельми чистоту тѣлесную храняще“; всѣ эти распоряженія клонились къ тому, чтобы обитатели обоихъ монастырей жили „особъ въ своихъ предѣлахъ и оградѣхъ, дабы другъ съ другомъ не сходилися нигдѣ никогда“. Съ цѣлю же охраненія цѣломудрія было постановлено выговцами, чтобы даже во время исповѣди двери часовни были „отверсты“, когда мнимые духовники исповѣдывали женскій полъ; нарушителей цѣломудрія настоятели подвергали разнаго рода эпитиміямъ, иногда очень тяжелымъ, а въ случаѣ нераскаянности грѣшниковъ совершенно исключали ихъ изъ братства и изгоняли изъ пустыни. Что же? Развѣ все это, сказанное мною о жизни выговцевъ на 24—30 стр. моей книги, несправедливо?

на «рѣшительную, несомнѣнную гарантію» цѣломудрія выговцевъ (стр. 698 и 705), я могу только подивиться.

и развѣ все это давало г. Барсову право утверждать, будто бы я на указанныхъ страницахъ „пишу настоящую апологію“ выговцевъ, „отрицаю самое существованіе разврата“ между ними (стр. 678)? Правда, послѣ описанія того, какія средства употребляли выговцы къ охраненію своего цѣломудрія, я замѣтилъ на 31 стр., что они „не на словахъ только являлись ревнителями чистоты тѣлесной, но и на самомъ дѣлѣ хранили по возможности цѣломудріе“; но если „по возможности“, то очевидно не всегда и не всѣ; значитъ, среди людей, жившихъ цѣломудренно, встрѣчались и такіе, которые, не смотря на обѣты дѣвства, по немощи нарушали иногда свои обѣты и за это подвергались отъ настоятелей разнаго рода наказаніямъ.

Почтенный противникъ мой не согласенъ съ такимъ взглядомъ на дѣло и утверждаетъ, что выговцы какъ до основанія выговскаго монастыря, такъ и со времени его основанія, всегда и всѣ предавались разврату (стр. 695—6), или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ (стр. 694), „постоянно по возможности вели жизнь распутную и блудную“. О томъ, какова была жизнь обитателей выговскихъ пустынь и лѣсовъ до основанія выговскаго монастыря, я ничего не говорилъ въ своей книгѣ, такъ какъ этотъ вопросъ не входилъ въ задачу моего сочиненія—представить „историческій очеркъ раскольниковскаго ученія о бракѣ“, и потому оставляю этотъ вопросъ въ сторонѣ, предоставляя г. Барсову рѣшать его, какъ ему угодно, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя разсмотрѣны мною выше; что среди насельниковъ выговскаго монастыря стали появляться развратъ еще при Андреѣ Денисовѣ—послѣ того, какъ Петръ I даровалъ выговцамъ свободу „по старопечатнымъ книгамъ службы своя отправляти“, а указомъ о платежѣ двойнаго оклада далъ всему вообще расколу право на спокойное существованіе, этого не отвергаю я (Сем. жизн. I, стр. 102—3, 179; Церк. Вѣсти. № 39, стр. 5); значитъ, суть разногласія между мною и г. Барсовымъ заключается въ вопросѣ: какова была жизнь обитателей выговскаго монастыря со времени его основанія до 1714—1716 года.

По словамъ г. Барсова, выговцы и въ это время жили крайне развратно; а по моему мнѣнію, они хранили по возможности цѣломудріе. Кто изъ насъ правъ? Разумѣется, тотъ, кто больше можетъ представить данныхъ въ подтвержденіе своего взгляда. Чѣмъ же доказываетъ г. Барсовъ свою мысль о томъ, что насельники выговскаго монастыря и въ первую пору его существованія „постоянно по возможности вели жизнь распутную и блудную“? Ничѣмъ положительно, такъ какъ *первое* по времени изъ указанныхъ имъ свидѣтельствъ о крайне развратной жизни выговцевъ со времени основанія выговскаго монастыря относится къ 1725 году и находится въ указѣ св. синода отъ 7 іюля этого года, въ которомъ сказано, что выговцы живутъ „прелюбодѣйно безъ вѣнчанія“. Впрочемъ— виновать; г. Барсовъ подтверждаетъ свою мысль о постоянно развратной жизни выговцевъ — только не фактическими данными, а предположеніемъ, что во „времена Денисовыхъ насельники Даниловской обители представляли изъ себя не что иное, какъ массу здороваго, сытаго и празднаго люда, чуждаго не только благовоспитанности и образованія, но и какихъ бы то ни было высшихъ духовныхъ стремленій, способныхъ парализовать порывы грубой чувственности, неизбѣжно присущіе такому люду“ (стр. 695); по мнѣнію г. Барсова, этому „здоровому, сытому и праздному люду, лишенному образованія и соединенной съ нимъ духовности стремленій, ничего не оставалось больше дѣлать, при отсутствіи у нихъ (?) брачнаго института, какъ грѣшить и каяться, каяться и грѣшить“ (стр. 696). Я не знаю почему, только это разсужденіе моего почтеннаго противника напомнило мнѣ замѣчаніе одного раскольническаго писателя, который, доказывая раскольникамъ, проповѣдующимъ обязательное для всѣхъ дѣвство, необходимость брака хотя бы безсвященнословнаго, указывалъ имъ на то, что „бракъ (т. е. сожителство брачное) въ естествѣ положенъ“ и что „естественно челоуѣку рождаться, рожденіе же Богъ положилъ отъ жены со смѣшеніемъ мужскимъ“. Правда, отвѣчали безбрачники на такое разсужденіе, но изъ этого не слѣдуетъ, что „когда есть сила къ

рожденію, то роди, не взирая ни на какой законъ письменный“; такая „дерзость и неразбирательство въ рожденіи свойственны только скотамъ безсловеснымъ“; считать закономъ для рожденія и брака „одну только способность естественную“ значить поступать „дерзко, глупо, противно св. писанію“ (Сем. жизн. 2, 185). Что же касается того, насколько были „сыты и праздно“ насельники Даниловской обители въ первые годы ея существованія, то лучшимъ свидѣтельствомъ этого могутъ служить слѣдующія слова г. Барсова, которыми онъ, на основаніи „Исторіи выговской пустыни“, рисовалъ въ 1866 году матеріальное благосостояніе выговцевъ: „на первыхъ порахъ пустынножители не имѣли иногда способовъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей... Пашня, устроенная ими „подъ горью“ обманула ихъ надежды, — отърылись частыя зябели, а за тѣмъ гладъ и хлѣбный недородъ; на первый разъ братія благодушно встрѣтили это несчастіе: „и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку и хлѣбы соломенные ясти, тоцію растворь ржаный, а замѣсь весь соломенной муки; хлѣбы въ кучи не держались, помяломъ изъ печи пахали. И такова скудость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, — многожды и безъ ужина жили“... Первая бѣда прошла благополучно; но хлѣбные недороды и зябели, а вмѣстѣ съ ними и голодъ стали повторяться чаще, нѣсколько лѣтъ сряду“ (Бр. Денис. стр. 105—7). Съ своей стороны прибавлю: по свидѣтельству житія Корнилія, писаннаго Семеномъ Денисовымъ въ 1731 году, „прореченія“ Корнилія о „скудости“ въ обители исполнялись почти постоянно до 1715 или 16 года; „во обители не мало лѣтъ, говоритъ авторъ житія, якоже пищи, тако и всѣхъ потребныхъ велія скудность бяше, и такова скудость, яко солому толкуще и тою мукою по раствору тоцію ржаному мѣсяще, хлѣбъ творяху; многожды и солома оскудѣваше и взаемъ вземлюще и испрошающе, гладъ утляху“. Только уже съ 1716 года „благодатію Христовою“ какъ въ выговскомъ монастырѣ, такъ и въ лексинской обители „и пищи и прочихъ потребныхъ благодатніи потоцы стали проливаться“

(Житіе Корн. гл. 8; снес. Опис. раск. соч. I, стр. 177—8). Что же касается „праздности“ выговцевъ, то, не говоря уже о первыхъ годахъ существованія выговскаго монастыря, когда насельники его должны были трудиться въ потѣ лица надъ обработкою земли и надъ постройкою нужныхъ для житья зданій, которыя притомъ часто горѣли, и когда самъ Андрей Денисовъ работалъ наравнѣ съ другими (Истор. выг. пуст. стр. 89, снес. стр. 204), даже въ то время, когда выговская обитель разбогатѣла и завела хозяйство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, каждому ея насельнику было назначено свое дѣло (Земств. и раск. стр. 130) и за каждымъ изъ нихъ наблюдали особые надзиратели, — такъ, что слова Ивана Филипова: „и отхождаху (послѣ богослуженія, обѣда и проч.) кождо на свои труды“ (Истор. выг. пуст. стр. 108; Бр. Ден. стр. 82) могутъ быть приложены къ обитателямъ выговскаго монастыря за все время управленія имъ Денисовыми (Пам. вѣн. Олон. губ. за 1868—9 г. ч. III, стр. 85—113). Одно мнѣ не извѣстно, насколько „здоровы“ были насельники Даниловской обители въ разсматриваемое время; но, судя по тому, что и они умирали, можно думать, что и въ этомъ отношеніи положеніе г. Барсова требуетъ ограниченій. Итакъ, если бы даже допустить, что выговцы, какъ люди неблаговоспитанные и необразованные, чужды были „вакихъ бы то ни было высшихъ духовныхъ стремленій“, и въ такомъ случаѣ имъ было о чемъ думать и что дѣлать, кромѣ грѣха и покаянія, покаянія и грѣха. Но утверждать, будто бы люди, убѣгавшіе для спасенія въ пустыню и ради этого спасенія, которое поставляли въ зависимость отъ неизмѣннаго храненія „древняго благочестія“, переносившіе всѣ вышеуказанныя нужды, лишенія и труды, не имѣли никакихъ высшихъ духовныхъ стремленій, значитъ, по моему, не отдавать себѣ отчета въ своихъ словахъ.

Но тогда какъ мысль г. Барсова о крайне развратной жизни выговцевъ въ первую пору существованія выговскаго монастыря, противорѣчащая всему строю ихъ жизни и стремленій, ничѣмъ не доказывается моимъ почтеннымъ противникомъ, кромѣ страннаго и

несправедливаго указанія на ихъ „сытость, праздность и здоровье“, мое положеніе, что выговцы въ разсматриваемое время не на словахъ только, но и на дѣлѣ хранили по возможности цѣломудріе, подтверждается не только правилами и образомъ ихъ жизни, подробно описанными мною ¹⁾ на 24—30 стр. моей книги, но и положительными свидѣтельствами. Протоіерей Іоанновъ ясно говоритъ, что „съ начала многіе поморскаго монастыря“ послушники, по ревности своей, молились въ своихъ кельяхъ одиноко и только „со временемъ“ стали позволять себѣ нецозволительныя развлеченія съ приходившими къ нимъ послушницами. Я не знаю, какъ долго продолжалось это: „съ начала“ и когда наступило это: „со временемъ“; но все же изъ словъ Іоаннова несомнѣнно слѣдуетъ, что было время и, быть можетъ, довольно продолжительное, когда многіе насельники выговскаго монастыря „по ревности своей“ чуждались сношеній съ женщинами и жили, согласно съ своими обѣтами, цѣломудренно. Мало этого: по свидѣтельству Іоаннова, даже въ то время, когда многимъ послушникамъ выговскаго монастыря стали приносить посѣщавшія ихъ послушницы вмѣсто „нужнаго пустынные плоды отъ чрева своего“, находилось между выговцами не мало „чистыхъ поморянь“, которые отвергли отъ себя нарушителей цѣломудрія, вслѣдствіе чего виновные перешли въ скиты, гдѣ было меньше надзора и больше свободы (Іоаннов. стр. 89, изд. 1794 г.). Въ другомъ мѣстѣ авторъ „полнаго историческаго извѣстія о раскольникахъ“, говоря объ ученіи выговцевъ, замѣчаетъ слѣдующее: „брачное супружество совершенно отвергають, подѣ извѣтомъ неимѣнія православнаго священства, почему обяывають всѣхъ жить дѣвственно и женатыхъ по перекрещиваніи разводятъ на чистое житіе, въ чемъ однакожь нынѣ стали гораздо снисходительнѣе“ (тамъ же стр. 68). Если же дѣвственная жизнь считалась обязанностію каждаго, приходившаго въ выговскій монастырь, до того святою, что женатаго

¹⁾ Причемъ я пользовался не одною исторіею выговской пустыни, что утверждаетъ г. Барсовъ (стр. 699), но и «Уложеніемъ Денисовыхъ» и «Уставомъ благочинія», изданнымъ Семеновъ Денисовымъ.

раскольника принимали въ число братства не иначе, какъ подъ условіемъ прекращенія супружескихъ отношеній; то быть не можетъ, чтобы между лицами, дававшими обѣтъ дѣвства и рѣшавшимися для поступленія въ монастырь даже ¹⁾ на „перекрещиваніе“, не было и такихъ, которыя оставались вѣрны своему обѣту хотя бы на нѣкоторое время. Я по крайней мѣрѣ знаю такихъ пришельцевъ въ монастырь, которые согласно данному обѣту всю остальную жизнь проводили цѣломудренно, въ „некасаниі“ даже къ своей законной женѣ“. Такимъ, между прочимъ, былъ Иванъ Филиповъ, настоятель и историкъ выговской пустыни (Пам. кн. Олон. губ. на 1867 г. ч. III, стр. 70, 72 и 93).

Другое доказательство того, что выговцы, наравнѣ съ другими безпоповцами, проводили по возможности жизнь дѣвственную — по крайней мѣрѣ въ то время, когда расколъ еще не получилъ свободы отъ гоненій, представляетъ Иванъ Алексѣевъ, авторъ книги „о тайнѣ брака“, котораго г. Барсовъ, кажется, считаетъ достойнымъ писателемъ, такъ какъ безъ всякихъ оговорокъ пользуется его свидѣтельствами, гдѣ находить это нужнымъ. Вотъ что писалъ этотъ защитникъ брачной жизни и безошадный обличитель разврата, въ комъ бы его ни замѣчалъ:

«Егда приведенія ради повинъ многи народи въ разныя страны и имѣта разбѣгошася, хотяще древняя сохранить, и въ сихъ разная вождельнїя прїяся: овїи требующе іерейство ради мірскаго жительствова, а друзїи, *вѣщше* опасеніе отъ повшества имуще, возжелаху безбрачно житіе водити, а брачнїи своихъ женъ, какъ сестрѣ, имѣти. Не имущїи поповъ исперва совѣтомъ и желательню изволиша вси обще безбрачно быти, а брачнїи кромѣ смѣшенїя съ женами жити, кое пожеланіе ихъ тогда по ревности свѣжей сносно бѣше. И единъ предъ другимъ желающе паче въ лѣсахъ и пустыняхъ умерщвленно жити. На нихъ же и сопряженїи смотряще, тщахуся тожде творити; и въ томъ

¹⁾ Какъ тяжело было, инымъ православнымъ «перекрещиваться», примѣръ этого представляетъ самъ историкъ выговской пустыни, болѣе года нерѣшавшійся на перекрещиваніе, не смотря на всѣ убѣжденія со стороны выговцевъ (Пам. кн. Олон. губ. на 1867 г. ч. III, стр. 66—69).

овіи состарѣшася, овіи и помроша, нетребующе женскаго совокупленія; и сіе облыковеніе, на долзѣ проходя, крѣпость воспрія: браки начаша отвергати, а сопряженніи дѣторожденіе. Наще кто немощи естественныя не возмогъ понести, живучи со женою дѣтородіе сотворитъ, начаша тѣхъ отъ яденія и питія и молитвъ отлучати. Отцы наши, продолжалъ Алексѣевъ, жили далече отъ міра, проходяще пустынное житіе и скитское: сего ради нетокмо сіи, но и самая поповщина, тамо жившая, брачныхъ нетребовала, не въ гнушеніе вещи, но да не смутятъ мѣсто и пустыню да не сотворять міръ» (Сем. жизни. I, стр. 114—15).

Изъ словъ Алексѣева ясно видно, что появившійся въ безпоповщинѣ на первыхъ порахъ обычай вести жизнь строго дѣвственную, — „жити кромѣ смѣшенія съ женами“, — „на долзѣ проходилъ“ — такъ, что „овіи состарѣшася, овіи и помроша, нетребующе женскаго совокупленія“. А если такъ, то остается вопросъ: относятся-ли слова Алексѣева и къ выговцамъ? Судя по тому, что подъ „отцами“, жившими далече отъ міра и проходившими пустынное житіе, онъ разумѣетъ по преимуществу, если не исключительно, выговцевъ, установившихъ у себя „богомоліе“ за царскую власть („О тайнѣ брака“, ч. I, г. 13), не только можно, но и должно вышеприведенныя слова Алексѣева о строго цѣломудренной жизни безпоповцевъ относить и къ насельникамъ Даниловской обители. Какъ долго вели такую жизнь выговцы, изъ словъ Алексѣева не видно; но то обстоятельство, что еще въ 1728 году, когда Алексѣевъ посѣтилъ выговскій монастырь, Андрей Денисовъ говорилъ ему, что у нихъ принято принимать женатыхъ „подъ цѣломудренное житіе“, и говорилъ такъ, по словамъ Алексѣева, „по немощи развращеннаго народа“, т. е. подчиняясь взгляду на этотъ предметъ большинства, массы, даетъ право думать, что даже въ это время цѣломудріе было общимъ правиломъ жизни обитателей Даниловской обители, а развратъ составлялъ исключеніе. По крайней мѣрѣ Алексѣевъ, безпощадно нападавшій на еедосѣвщину за ея развратъ, ни слова не говоритъ въ своей книгѣ о распутствѣ выговцевъ.

Послѣ всего сказаннаго пріобрѣтаетъ уже значеніе и свидѣтельство св. Димитрія Ростовскаго о томъ, что въ его время многіе

изъ безпоповцевъ жили цѣломудренно. Сказавши, что раскольники-безпоповцы, отвергая бракъ, живутъ блудно, святитель замѣчаетъ: „сіе же глаголю не о всѣхъ; слышно бо есть, яко мнози въ нихъ живутъ чисто и цѣломудренно“ (Розыск. стр. 594. изд. 1847). А такъ какъ до св. Димитрія доходили слухи и о выговцахъ (тамъ же стр. 588 и 604), то ничто не препятствуетъ отнести слова его и къ нимъ. Наконецъ не могу не указать въ подтвержденіе своего взгляда на жизнь выговцевъ въ первую пору пребыванія Андрея Денисова въ выговской пустыни на слова самого г. Барсова, который нынѣ утверждаетъ, что выговцы какъ до основанія выговскаго монастыря, такъ и со времени его основанія, постоянно предавались разврату, а въ 1866 году писалъ слѣдующее: „три года жили они (т. е. Андрей Денисовъ, Данила Викулинъ и ихъ ученики) на томъ мѣстѣ въ великой нуждѣ и трудясь въ потѣ лица; за то *богаты были* молитвами и *цѣломудріемъ*, замѣчаетъ біографъ Андрея“ (Бр. Ден. стр. 68). Нужно ли послѣ этого продолжать рѣчь?

Перехожу къ послѣдней части статьи г. Барсова, въ которой онъ рѣшаетъ вопросъ: проповѣдывалъ-ли инокъ Корнилій ученіе объ обязательномъ безбрачїи. Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ частный вопросъ, г. Барсовъ ставитъ другой болѣе общій: „существовало-ли въ безпоповщинскомъ расколѣ ученіе объ обязательномъ безбрачїи, какъ *догматъ*, или, говоря словами г. Нильскаго, какъ общій законъ“? Рѣшая этотъ послѣдній вопросъ, авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“ говоритъ: „я думаю, что ученіе о безбрачїи явилось въ безпоповщинѣ не ранѣе Денисовыхъ, которые, прибавлю, проповѣдывали это ученіе, какъ свое личное *privum desiderium*“ (стр. 706). Прежде всего: моему почтенному противнику, очевидно, неизвѣстно, что еще прежде, чѣмъ устроенъ былъ окончателно выговскій монастырь и Андрей Денисовъ сдѣлался настоятелемъ его, новгородскіе безпоповцы на соборѣ 1694 года постановили слѣдующее: „брачное супружество совершенно отвергать *законополагаемъ*; потому что, по грѣхомъ нашимъ, въ таковая времена достигомъ, въ нѣже православнаго священства въ конецъ по благочестію лишилиъ, а по сему

и союзомъ брачнымъ некому. обязать, кромѣ какъ антихристовымъ попомъ; а безвѣчные браки имутъ запрещеніе отъ царя Алексія Комнина... Почему и обязываемъ и законополагаемъ о семъ нашего братскаго согласія жить отвѣственно и соблюдать себя какъ можно отъ совокупленія съ женами; а отцемъ духовнымъ повелѣваемъ отселѣ смотрѣть и надзирать строго; аще ли не тако, то повелѣваемъ отлучать отъ священнодѣйствія“ (Сем. жизн. I, стр. 20). Далѣе: въ монографіи „Братья Денисовы“ г. Барсовъ говоритъ, что Андрей Денисовъ случайное безбрачіе первыхъ насельниковъ выговской пустыни возвелъ въ теорію, „въ общеобязательную доктрину для всѣхъ членовъ своей общины“ (стр. 97); въ замѣткѣ „объ изданіи въ свѣтъ раскольниковыхъ рукописей“, помѣщенной въ 20 № Церковнаго Вѣстника за прошлый годъ, почтенный противникъ мой заявлялъ, что „ученіе объ обязательномъ безбрачій въ беспоповщинѣ появилось не ранѣе Денисовыхъ“, а въ разсматриваемой статьѣ г. Барсовъ утверждаетъ, что „ученіе о безбрачій Денисовы проповѣдывали только, какъ свое личное *privum desiderium*“; но, не ограничиваясь и этимъ, на слѣдующей страницѣ той же статьи авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“ положительно говоритъ, что „выговскій киновіархъ Андрей Денисовъ, снисходя къ помощи жестоковѣрнаго и развращеннаго народа, самъ ѣздилъ по деревнямъ заключать браки“ (стр. 707), хотя на предъидущей страницѣ г. Барсовъ самъ привелъ слова Вышатины къ выговскимъ настоятелямъ, „я-де вамъ не товарищъ буду на судѣ Божіи въ томъ, яко браки *затвористе*“ (стр. 706). Не легко вести полемику съ противникомъ, столь неустойчивымъ въ своихъ мнѣніяхъ; и неужели г. Барсовъ и послѣ этого станетъ увѣрять, что онъ не противорѣчитъ самому себѣ и не имѣетъ привычки поступаться своими убѣжденіями (стр. 710)?

Чтобы окончательно доказать, что ученіе о безбрачій не было догматомъ, или общимъ закономъ беспоповщины, хотя въ изслѣдованіи „Братья Денисовы“ прямо говорится, что „догматы объ обязательности безбрачія“ существовали въ расколѣ еще во времена гоненій (стр. 97), г. Барсовъ говоритъ: „мы даже думаемъ, что слова

протопопа Аввакума: „аще кто не имать іереевъ, да живетъ просто“¹⁾, имѣють смыслъ прямо противоположный тому, какой усвоеть имъ г. Нильскій, т. е. содержать въ себѣ не запрещеніе, а разрѣшеніе сожителства мужчины съ женщиной помимо вѣнчанія и какихъ бы то ни было видовъ молитвеннаго благословенія“ (стр. 707—8). Г. Барсовъ, конечно, можетъ думать, что ему угодно; но что въ настоящемъ случаѣ онъ думаетъ невѣрно, это видно даже изъ сочиненій такихъ раскольниковъ, которымъ было бы въ высшей степени выгодно находить въ словахъ Аввакума смыслъ, какой видятъ въ нихъ авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“. Одинъ изъ странническихъ наставниковъ—самой грязной жлзни такъ толкуеть слова Аввакума: „да живутъ просто, да пребываютъ въ постѣ, слезахъ и молитвѣ, паче же милостыня поможетъ имъ“ (Келье. вып. 4, стр. 281; снес. стр. 290). Такъ же понимаютъ слова Аввакума и раскольники другихъ толковъ (рукоп. моей библ., содерж. отвѣтъ (отъ 12 окт. 1869 г.) безбрачника на письмо брачнаго).

Переходя къ вопросу о томъ, проповѣдывалъ ли инокъ Корнилій обязательное безбрачіе, г. Барсовъ рѣшаетъ его коротко и просто: „если я не допускаю, говоритъ онъ, что во время Денисовыхъ безбрачіе было для безпоповцевъ общеобязательнымъ закономъ, то, конечно, тѣмъ менѣе могу допустить, чтобы этотъ „общій законъ“ проповѣдывалъ инокъ Корнилій“ (стр. 708). Ну, а если безбрачіе было установлено, какъ законъ, для всѣхъ безпоповцевъ еще въ 1694 году, тогда допустить ли г. Барсовъ, что Корнилій, жившій, какъ видно (Истор. выг. пуст. стр. 105), нѣсколько времени послѣ этого года, проповѣдывалъ этотъ законъ? Указаніе г. Барсова на извѣстное „прореченіе“ Корнилія о томъ, что по минованіи тяжелыхъ обстоятельствъ въ выговскихъ лѣсахъ раскольники будутъ

¹⁾ Приведа эти слова, г. Барсовъ цитуетъ 14 стр. житія Аввакума, по изданію Кожанчикова, на которой, какъ и во всемъ житіи, нѣтъ этихъ словъ протопопа; какъ объяснить эту вольность? Очевидно, нежеланіемъ г. Барсова сослаться на мою книгу, въ которой приведены эти слова, и еще больше—желаніемъ показать, что онъ читалъ и что онъ не читалъ. (стр. 709).

жить „съ мамушками и съ дѣтушками, и съ коровушками и съ люлечками“, ни мало не подтверждаетъ мысли моего противника, будто бы Корнилій не только не проповѣдывалъ обязательнаго безбрачія, а напротивъ обнадеживалъ своихъ учениковъ, жившихъ въ скитахъ, что современемъ они заживутъ правильною семейною жизнію; это „прореченіе“ Корнилія относится не къ скитамъ, а къ выговскому монастырю ¹⁾, — прошу г. Барсова справиться объ этомъ въ житіи Корнилія какой угодно редакціи, — въ которомъ, и по ипнѣнію г. Барсова (стр. 709), Корнилій „прямо совѣтовалъ“ всѣмъ „чистоту тѣлесную хранить, дѣвственное и безженное житіе проходить“, замѣчая: „на то де у васъ и монастырь“; значить, толковать „прореченіе“ Корнилія такъ, какъ толкуетъ его авторъ „Братьевъ Денисовыхъ“, относя его къ *скитамъ*, несправедливо; несправедлива и другая мысль г. Барсова, будто бы скитяне никакъ не хотѣли подчиниться выговскому монастырю и, слѣдуя „прореченію“ Корнилія, не только жили правильными семейными группами „невозбранно со стороны выговскихъ настоятелей“, но даже и „не знали ученія о безбрачіи“ (стр. 707), и что будто бы „основателемъ и главою этого особо-скитскаго житія былъ не кто иной, какъ именно инокъ Корнилій“ (стр. 708). Высказавъ всѣ эти положенія, г. Барсовъ ссылается на свое изслѣдованіе „Братья Денисовы“ и замѣчаетъ, что въ немъ находятся болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ въ означенномъ изслѣдованіи моего почтеннаго противника значится, что основателемъ „особо-скитскаго житія былъ не Корнилій, а старецъ Сергій, Корнилій же приходившихъ къ нему или отсылалъ къ Даніилу и Андрею Денисову, или уполномочивалъ селиться въ пустыни „гдѣ кто изволяше, по ихъ желанію и прошенію“, — только не у Сергія, что хотя въ скитахъ раскольники жили съ своими женами, но какъ „съ сестрами“, что и впоследствии, когда по минованіи гоненій скитяне ощутили

. ¹⁾ Такъ, повидимому, и понималъ дѣло г. Барсовъ въ 1966 году, находя зъ этомъ «прореченіи» Корнилія «не тѣ мысли, какія онъ долженъ бы былъ проповѣдывать *иночествующимъ*» (Вр. Ден. стр. 63).

въ себѣ потребность семейной жизни, они уже не могли жить такую жизнь, потому что „то, что прежде (т. е. до перехода въ расколъ) для нихъ было законно, теперь стало грѣхомъ“, что Андрей Денисовъ „случайное безбрачіе первыхъ пасельниковъ выговской пустыни возведши въ теорію, въ общеобязательную доктрину для всѣхъ членовъ своей общины, считалъ себя обязаннымъ наблюдать за выполніемъ этого ученія и въ скитахъ“ и потому вѣздилъ по скитамъ и училъ скитскихъ жителей добродѣтельному житію, а не хранящихъ цѣломудрія повелѣвалъ наказывать поклонами, постомъ, отлученіемъ отъ общества и даже тѣлеснымъ наказаніемъ, и что вообще скитскіе жители обязаны были жить точно такъ же, какъ и монахи, принявшіе постриженіе и жившіе съ Андреемъ (Бр. Ден. стр. 95—7; спес. Сем. жизнь I, стр. 29; Ист. выг. пуст. стр. 143—4; Пам. кн. Олон. губ. за 1868—9 г. ч. III, стр. 113). Что же? ужели и послѣ этого г. Барсовъ скажетъ, что „рѣшительно нѣтъ противорѣчій между тѣмъ, что онъ писалъ когда-то, и тѣмъ, что говоритъ теперь“ (стр. 710)?

Говоря о скитахъ, г. Барсовъ „кстати“ замѣчаетъ, что будто бы я „смѣшиваю суземскихъ жителей съ скитянами“; „скиты, говоритъ мой противникъ, это раскольниковскія поселенія въ выговскихъ лѣсахъ, образовавшіяся вѣдъ правительственнаго надзора и въ слѣдствіе этого привлекавшія на себя постоянно розыски и преслѣдованія; *суземокъ*—это деревни, сосѣднія къ выговскимъ лѣсамъ, входившія въ составъ волостей и подлежавшія обычному непосредственному надзору правительства“ (стр. 707). Я не знаю, откуда г. Барсовъ взялъ свои свѣдѣнія о суземкѣ, какъ деревняхъ, отличныхъ отъ скитовъ; но изъ всего, что говоритъ объ этомъ предметѣ Иванъ Филиповъ, видно, что суземкомъ называлась мѣстность, близкая къ выговскому монастырю, въ которой раскольники селились сперва безъ вѣдома правительства (Истор. выг. пуст. стр. 96—7), а потомъ — со времени изданія извѣстнаго указа отъ 7 сентября 1705 г. (Бр. Ден. стр. 135—7)—съ вѣдома и позволенія правительства (Ист. выг. пуст. стр. 115), и селились, по выраженію

выговскаго историка, „скитами и келліями, гдѣ кому возможно“. Я не знаю, были ли въ суземкѣ и деревни, входившія въ составъ волостей; но изъ „Исторіи выговской пустыни“ видно, что суземокъ отличался отъ волостей ¹⁾, принадлежалъ исключительно раскольникамъ, и въ немъ-то находились раскольничьи скиты, для управления которыми утверждались самимъ правительствомъ избранные раскольниками староста и выборный. Что же касается розысковъ и преслѣдованій, то суземокъ-то всего чаще и подвергался имъ (Истор. выг. пуст. стр. 441, 454, 460—2 и др.) за то, что селившіеся здѣсь раскольники не исполняли тѣхъ обязанностей, какія возложены были на нихъ указомъ 7 сентября 1705 года и позволяли себѣ разныя злоупотребленія (тамъ же стр. 436). Въ своихъ духовныхъ нуждахъ суземокъ подчинялся выговскому монастырю, но въ остальномъ зависѣлъ отъ старосты и выборнаго; „я не содержатель суземку, отвѣчалъ на допросѣ Иванъ Филиповъ, токмо въ общежительствѣ выборнымъ, а скитовъ не вѣдаю, а скиты вѣдаютъ старосты и выборные“ (тамъ же стр. 454). Изъ этихъ словъ Филипова г. Барсовъ можетъ видѣть, что суземокъ—не деревни, а скиты. „Часто вѣдаяше и по суземку по скитамъ“, говоритъ Филиповъ объ Андрѣѣ Денисовѣ (стр. 143); „не токмо въ своихъ монастырѣхъ, но и по суземку вѣдая въ скиты всѣхъ поучая“, говоритъ онъ о Петрѣ Прокопьевѣ (стр. 157); „вопроси во всемъ суземкѣ, во всѣхъ скитѣхъ: кто церковныя службы торжествовати по уставу и по чину научи? возгласятъ вси безъ сумнѣнія: Петръ еклисіархъ“ (тамъ же стр. 158). Однимъ словомъ: суземокъ—не деревни, а скиты, и слѣдовательно я имѣлъ право назвать скитянь „суземскими жителями“ (Сем. жизн. I, стр. 28),—тѣмъ болѣе, что самъ Филиповъ не разъ называетъ скитянь суземскими жителями (Истор. выг. пуст. стр. 218, 457 и др.).

¹⁾ «Ово по суземку хождаше, а овое и по волостямъ... а егда въ суземокъ приидеть, являшеса въ суземскомъ согласіи, а въ міръ исходя съ мірскими соглашашеса», говоритъ Филиповъ объ одномъ старцѣ (стр. 426). Жителей волостей иногда спрашивали: «ходиши ли въ суземокъ, и изъ суземка не ходитъ ли кто къ вамъ для ученія къ расколу» (тамъ же стр. 466).

Г. Барсовъ, оканчивая свою статью и снова совѣтуя мнѣ сличать по началамъ исторической критики одни съ другими разнохарактерные матеріалы, съ массой которыхъ мнѣ постоянно приходится имѣть дѣло, замѣчаетъ, что это нужно для того, „чтобы разграничить и отличить чистую научную истину отъ сенсаціонныхъ примѣсей и тенденціозныхъ наростовъ, отъ фальсификацій и лжи, которыми раскольничьи сочиненія страдаютъ едва ли не болѣе, чѣмъ какой либо иной родъ литературы“ (стр. 711). Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ уважаемаго сослуживца моего я вполне согласенъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ заявить, что, признавая съ своей стороны спорные вопросы, возбужденные Н. И. Барсовымъ, достаточно разъясненными, я не намѣренъ болѣе отвѣчать на его возраженія, если бы таковыя сдѣланы были имъ.

И. Нильскій.